

Рельсы

Автор:

Чайна Мьевиль

Рельсы

Чайна Мьевиль

Fanzon. Большая фантастика

Рельсоморье. Обширные пространства отравленной земли, покрытые сетью стальных рельсов и деревянных шпал. Колеи, соединяющие времена & страны, проложены во всех направлениях, куда ни глянь. Они уходят в вечность. Но с острова на остров ходят слухи, что где-то за горизонтом есть выход туда, где нет рельсов, туда, где находится Рай, преисполненный богатств...

И именно он, Шэмус ап Суурат, помощник доктора на поезде-кротобое «Мидас», находит ключ к разгадке этой тайны. Но сможет ли он добраться до края Рельсоморья, прежде чем пираты и рельсовый флот доберутся до него?

Чайна Мьевиль

Рельсы

Для Индиго

Часть I

Большой южный кротурод

Talpa ferox rex

Из архивов Филантропического Общества Стреггейских Кротобоев

Пролог

Перед нами история окровавленного мальчика.

Вот он, стоит, качаясь, точно молодое деревце на ветру. Он весь, весь покрыт чем-то красным. Ах, если бы то была краска! Вокруг его ступней натекло по красной луже; неизвестно, какого цвета была его одежда раньше: сейчас ее покрывает быстросохнувшая алая корка; волосы тоже все в запекшейся крови и торчат.

Выделяются лишь глаза. Белки горят на багровом лице, как две лампочки. Страстный взор устремлен в никуда.

Однако все не так ужасно, как кажется. Мальчик не одинок; со всех сторон его окружают такие же красные, мокрые насквозь люди. и все весело поют.

Мальчик растерян. Ничего не решилось. Хотя он ждал. Надеялся, что этот миг принесет ему ясность. Однако в голове у него по-прежнему пустота, точнее, всякая всячина.

Но мы оказались здесь слишком рано. Конечно, начать можно с любого места: в этом заключена красота пути, в этом его суть. Однако от выбора исходной

точки зависят дальнейшие повороты, а предстоящее нам ответвление не самое лучшее. Итак, возвращаемся: машина, полный назад. Назад туда, где мальчик еще не был окровавлен; там мы сделаем небольшую паузу и снова двинемся вперед, туда, где он стоит сейчас, среди крови, песен, хаоса, с большим знаком вопроса в голове.

Глава 1

Остров мяса!

Нет. Еще назад.

Огромный труп, застилающий горизонт?

Еще дальше.

Вот. Мы отмотали несколько недель, туда, где было холоднее. Дни проходили в бесплодных скитаниях по горным ущельям, в синей тени нависших ледяных утесов, откуда они лишь недавно выбрались под серое, как кремь, небо. Мальчик, тогда еще не окровавленный, наблюдал за пингвинами. Его взгляд перебежал с одного каменистого островка на другой; скалы щетинились птицами, которые, опираясь свои маслянистые перья, стояли, сбившись в кучу для безопасности и тепла. Он наблюдал их уже не один час. Когда у него над головой вдруг ожил громкоговоритель, мальчик вздрогнул. Это была тревога, та самая, которой ждал он, ждали все на «Мидасе». Сначала раздался громкий треск. Потом из него вынырнул голос:

– Вон он!

И тут же началась суета. Швабры были брошены, гаечные ключи отложены, недописанные письма и недорезанные деревянные фигурки рассованы по карманам, невзирая на невысохшие чернила и стружку. Скорее к окнам, к перилам! Все высунулись навстречу хлещущему в лицо ледяному ветру.

Взгляды всей команды были устремлены мимо больших клыков сланца – туда, откуда дул ветер. Головы качались в такт движению «Мидаса». Птицы с надеждой кружили над ним, но никто им ничего не бросал.

Впереди, там, где старые рельсы как будто сливались воедино, бурлила почва. Толкались камни. Что-то рвалось наружу из-под земли. Из глубин несся приглушенный вой.

Среди непривычного пейзажа с торчащими повсюду обломками античного пластика внезапно вырос конус черной земли. Первыми из него появились когти. Они принадлежали огромному черному зверю.

Он сам взмыл над своей норой, выбросив вверх облако почвы, словно дым из кратера. Настоящий монстр. Воспарив, он заревел. Целое невероятное мгновение он висел в воздухе. Словно изучал приближающийся поезд. Хвастал своими размерами. Наконец он рухнул, пробил поверхность земли и снова ушел на глубину.

Кротурод прорвался.

Из всех зевак на «Мидасе» самым усердным был Шэм. Шэмус Йес ап Суурап. Крупный коренастый молодой человек. Крепко сбитый, не всегда неуклюжий, с коротко стриженными – от греха подальше – темно-русыми волосами. Вот он, высунулся из кабины, крепко держится за края иллюминатора и, забыв про пингвинов, тянет вперед шею с усердием изголодавшегося подсолнуха, поворачивающего свою золотую голову за солнцем. Крот впереди них мчится на небольшой глубине, около ярда. Шэм смотрит, как вспучивается тундра, и его сердце стучит часто, как колеса поезда.

Нет, это не первый большой крот, которого он видел. В Стреггейской бухте постоянно резвились целые стаи лаборов, как их называли местные жители, – крупных, с собаку, кротов. Земля в гавани между рельсами и шпалами была изрыта их норами. Еще он встречал детенышей других, более крупных животных: охотники привозили их на остров в канун Дня Каменноликих и пускали в огромные емкости с землей, где те копошились, большие, жалкие и неуклюжие: крошки бутылкоголовые кротуроды и новорожденные кроты-пантеры, совсем юные дегтелапые кроты. Но огромных, по настоящему огромных кротуродов, самых крупных живых тварей на Земле, Шэму ап Суурапу

доводилось видеть лишь на картинках в период обучения охоте.

Тогда ему приходилось заучивать наизусть, как стихи, целые списки других названий уродов: подкопщики, тальпа, мультдиварпы, просто кроты. Видел он размытые флатографии и гравюры с изображениями крупнейших представителей этого вида. Обычно рядом с гигантским звездоносим хищником, чья туша напоминала поросшую лесом гору, рисовали человека, одними палочками, просто чтобы был понятен масштаб. А на одной, особенно захватанной картинке, которая, к тому же, складывалась гармошкой, подчеркивая гигантский размер подземного левиафана, человек был нарисован так, что рук и ног разобрать было нельзя. Большой южный кротурод, *Talpa ferox rex*. Именно он бороздил сейчас землю перед ними. Шэма охватила дрожь.

Земля и рельсы на ней были серыми, как небо. У горизонта из-под земли выскочил нос величиной больше Шэма. Земляной кратер вырос рядом с чем-то вроде мертвого дерева; приглядевшись, Шэм понял, что это кусок металла: покореженный, покрытый лохмотьями ржавчины обломок прошлого торчал из почвы, как нога мертвого бога-жука. Даже здесь, в холодных пустошах, был утиль.

Команда «Мидаса» облепила служебный вагон, люди стояли на сцепках и свешивались с обзорных платформ, над головой Шэма нетерпеливо плясали чьи-то ноги.

– Да, да, да, капитан... – блеял по громкой связи голос Сандера Набби, впередсмотрящего. Наверное, услышав вопрос капитана по уоки-токи, Набби забыл переключиться на закрытую связь. Его ответ с густым акцентом острова Питтман и клацаньем зубов слышал весь поезд.

– Здоровенный кабан, капитан. Тонны мяса, жира, меха. Только поглядите, как он чешет...

Пути сделали поворот, «Мидас» накренился, порыв ветра скормил Шэму здоровую порцию дизельного выхлопа. Он смачно сплюнул на насыпь.

– А? Э-э... нет, капитан, он черный, – сказал Набби, отвечая на какой-то неслышимый вопрос. – Конечно. Густого черного цвета, как все нормальные кротуроды.

Пауза. Все в поезде как будто смутились. и снова:

- Точно. - Затем раздался новый голос. Это включилась капитан Абаката Напхи.

- Внимание. Кротурод. Вы его видели. Кондукторы, переводники - по местам. Гарпунисты - готовьсь. Тележки к спуску. Скорость увеличить.

«Мидас» стал набирать ход. Шэм стал слушать через ноги, как его учили. и решил, что произошел сдвиг от шраш-ша-а к драгндрагун. Он учился запоминать названия колесных ритмов.

- Как идет лечение?

Шэм обернулся. С порога кабины на него смотрел доктор Лиш Фремло. Худой, стареющий, энергичный, корявый, как выветренная скала, доктор смотрел на Шэма из-под копны волос цвета вороненой стали. «Да помогут мне Каменноликие, - подумал Шэм, - и давно ты, интересно, тут стоишь?» Фремло поглядел на кучу тряпичных и деревянных внутренностей, вытащенных из брюшной полости манекена: Шэм уже давно должен был снабдить их ярлыками и сложить по порядку обратно, но они все еще устилали пол кабины.

- Я занимаюсь, доктор... - промямлил Шэм. - Просто тут... я немного... - и он стал засовывать куски в модель.

- О. - Фремло поморщился, увидев свежие порезы от перочинного ножа Шэма на коже манекена. - Что ты сотворил с ни в чем не повинной вещью, Шэм ап Суурап? Похоже, мне следует вмешаться. - Доктор погрозил ему пальцем. Но в его громком, звучном голосе совсем не было злобы. - Жизнь студиозуса - не тропа наслаждений, я знаю. Главное, научиться делать две вещи. Первая... - Фремло мягко повел рукой, - ...всегда сохранять спокойствие. и вторая - всегда точно знать, что тебе сойдет с рук, а что нет. Это первый большой крот в нынешнем рейсе, а значит, в твоей жизни. Поэтому никто во всем поезде, включая меня, не даст сейчас обезьяньей гонады за твои занятия.

Сердце Шэма забило сильнее.

- Иди, - сказал доктор. - Только не лезь на рожон.

От холода Шэм чуть не задохнулся. Почти все члены команды были в шубах. Даже Рай Шоссандер, чей рассеянный взгляд скользнул сейчас по Шэму, был одет в сносный кроличий тулупчик. Рай был младше Шэма, к тому же, как проводник, занимал в иерархии «Мидаса» более низкое положение, зато он уже бывал в рейсе, а это давало ему преимущество в глазах голоштанной меритократии поезда-кротобая. Шэм в своей куртке из дешевого вомбата только поеживался.

Команда рассыпалась по дорожкам и палубам на крышах вагонов, люди вставали к лебедкам, точили гарпуны, смазывали маслом колеса палубных тележек. Над ними кувыркалась, как поплавок, корзина с Набби под дозорным шаром.

Бойза Го Мбенда, первый помощник, стоял на обзорной площадке последнего вагона. Он был тощ, смугл и нервно-энергичен, его рыжие волосы облепили голову на ветру. Он следил за продвижением поезда по картам и бормотал что-то женщине рядом. Капитану Напхи.

Напхи следила за кротуродом в огромный телескоп. Труба телескопа – массивного тяжелого инструмента, – была плотно прижата к ее глазу, хотя капитан держала его лишь одной могучей правой рукой. Невысокого роста, она невольно приковывала внимание. Сейчас она упиралась ногами в палубу так, словно готовилась к бою. Длинные седые волосы реяли за ней на ветру. Полы выдавшей виды пятнистой шубы хлопали, но капитан стояла непоколебимо. В композитной левой руке плясали отраженные огоньки. Ее металлические и костяные части подрагивали и пощелкивали.

«Мидас» грохотал по припорошенной снегом плоской равнине. Драгндрагун уже давно сменился иным ритмом. Так они неслись: мимо скал, провалов и небольших пропастей, мимо торчащего из земли таинственного утиля.

Шэма потряс свет. Он поднял голову и увидел над собой добрых две-три мили чистого воздуха, выше которых клубились обычные дурные облака, составлявшие верхнюю границу неба. Низкие колючие кусты, черные, как железо, и само железо, погребенное в земле с незапамятных времен и местами прорывающее земляной покров, проносились мимо. и во всю ширь долины, куда ни глянь, протянулись рельсы – бесчисленные, бесконечные.

Целое море рельсов.

Длинные прямые, крутые повороты; металлические отрезки на деревянных шпалах; они шли внахлест, закручивались в спирали, скрещивались; тут и там от основных линий вдруг отделялись параллельные, некоторое время они бежали рядом с породившими их главными, потом радостно встречались и сливались в объятиях. Где-то пути разделяли целые ярды нетронутой земли; в других местах, напротив, расстояние между ними было настолько мало, что Шэм вполне мог бы перескочить с одних рельсов на другие – если бы при одной мысли об этом его не обдавало ледяной волной страха. Там, где рельсы сплетались в сплошное полотно, пересекаясь под тысячью разных углов, можно было видеть все мыслимые и немыслимые стрелки; обычные, перекрестные, перекрестные двойные; пути сходились и расходились, образуя съезды, перекрестные и простые; между ними торчали флюгарки и крестовые переводы. А на подъездах к ним земля пестрела сигналами, переключателями, приемниками и наземными рамами.

Крот нырнул под более плотную почву или камень, на котором лежали пути, его след пропал, а позже появился снова между полосами металла, где крот вынырнул глотнуть воздуха. Он двигался, оставляя за собой прерывистую борозду.

Капитан взяла микрофон, сквозь треск слышались ее команды.

– Переводники, занять позиции. – Шэм сглотнул еще порцию выхлопа; на этот раз ему даже понравилось. Переводники свесились с дорожки, обегавшей передний локомотив, с платформ второго и четвертого вагонов, в руках у них были пульта дистанционного управления и крюки.

– Пра-бор! – рявкнула капитан, не спуская с крота глаз, и по ее команде главный переводник нацелил свой пульт на приближающийся транспондер. Стрелка со щелчком сдвинулась; сигнал переменялся. «Мидас» достиг пересечения путей и ушел на другую линию, ища путь обратно...

– Пра... ле... второй ле... – Покорный командам, «Мидас» зигзагом прострачивал пути, грохоча на стыках, переходя с одной линии необъятного рельсового моря на другую, двигаясь вглубь арктической пустыни, приближаясь к земляным завихрениям, оставленным гигантским кротом.

– Левый, – последовала команда, женщина-переводник послушно потянулась вперед. Но тут же Мбенда рявкнул:

– Отставить!

– Правый! – закричала капитан. Переводница снова взялась за крюк, но поздно; стрелка уже проносилась мимо – с радостью, как показалось Шэму, точно знала, какой сейчас начнется на поезде переполох, и заранее наслаждалась этим. Шэм не мог вздохнуть. Его онемевшие пальцы вцепились в поручень. «Мидас» под истерический вопль Мбенды уже грохотал к следующим стрелкам, которые отсылали его бог знает куда...

...но тут Заро Гунст, оседлав сцепку между пятым и шестым вагонами, протянул свой крюк и профессионально-небрежным, точно рассчитанным движением наподдал пролетающий мимо перевод.

От удара палка вырвалась из его руки, отлетела в сторону и загрохотала по пустым рельсам, но поздно: стрелка уже поменяла положение, и миг спустя передние колеса «Мидаса» мягко вошли в поворот. Поезд продолжал свой путь по избранному пути.

– Отличная работа, парень, – одобрила капитан. – А то не миновать бы нам смены колеи.

Шэм выдохнул. Когда у команды нет выбора, но есть несколько часов времени и специальное оборудование, состав можно подготовить к смене колеи. Но врезаться в нее вот так, на полном ходу? Для поезда и его команды это означало верную гибель.

– А этому, стало быть, палец в рот не клади, – продолжала капитан Напхи. – Вел нас на верную смерть. Соображает, старый крот.

Команда захлопала. Обычный ответ на обычную похвалу хитрой добыче.

и дальше в рельсоморье.

Кротурод замедлял ход. «Мидас» менял пути и закладывал петли, сбрасывал скорость, сохраняя расстояние между собой и хищником, занятым охотой на гигантских тундровых червей, которые чуяли преследователя. Не одни лишь люди могли по вибрации пола под ногами угадать приближение другого поезда. Иные животные чуяли колебания почвы за мили. Осторожно, стараясь не производить лишнего шума, с крыши состава лебедками спустили на пути самоходные тележки.

Их команды встали к своим маленьким бесшумным двигателям, тихо перевели стрелку. и тихо двинулись навстречу кроту.

– Вон он, уходит.

Шэм, вздрогнув, обернулся. Рядом с ним через перила самозабвенно свесился Хоб Вуринам, молодой поездной боцман. Заученным жестом записного удальца он поднял воротник своего потрепанного северного прикида, доставшегося ему не то из третьих, не то из четвертых рук.

– Старый бархатный джент их слышит.

Над землей вырос кротовый холм. Показались сначала усы, потом вся вытянутая черная голова. Она была огромной. Рыло ходило из стороны в сторону, брызгая слюной и пылью. Распахнулась пасть, полная зубов. Тальпа хорошо слышит, и двойной перевод рельсов ее озадачил. Животное зарычало, рассыпая пыль.

Вдруг рядом с ним упал снаряд, земля содрогнулась. Кирагабо Лак – землячка Шэма, тоже уроженка Стреггея, – выстрелила, но промахнулась.

Крот тут же показал хвост. Копал он быстро. Гарпунщик второй тележки Данжамин Бенайтли, серокожий желтоволосый гигант из лесов Гулфаласка, рявкнул что-то на своем тарабарском языке, его команда прибавила ходу и понеслась по следам крота в поднятой им пыли. Бенайтли нажал на спуск.

Ничего. Гарпунную пушку заело.

– Черт! – сказал Вуринам. и зашипел, как разочарованный болельщик на матче по пантболу. – Ушел!

Но не зря громила Бенайтли учился в родных лесах метать копье, висая на лиане, словно обезьяна. Он доказал соплеменникам, что стал взрослым, загарпунив и притащив в лагерь мерката в пятьдесят футов длиной, да так сноровисто и быстро, что никто глазом моргнуть не успел. и теперь великан Бенайтли выхватил из пушки гарпун. От его тяжести мышцы у него под кожей стали квадратными, как кирпичи, но он держал орудие у себя над головой все время, пока его тележка приближалась к землеройному гиганту. Подавшись назад, он ждал, а потом метнул гарпун прямо в крота.

Кротурод дал задний ход, кротурод взревел. Древко копья затрепыхалось. Веревка гарпуна стремительно разматывалась, пока животное билось на земле, окрашивая ее своей кровью. Рельсы прогнулись, тележка помчалась вперед, увлекаемая взбесившимся животным. Раз – команда прицепила земляной якорь к концу троса и бросила его за борт.

Тем временем их нагнала вторая тележка, и Кирагабо уже не промахнулась. Новые якоря впились в край ямы, наполненной ревом и ярящейся землей. «Мидас» дернулся и стал подходить ближе.

Гарпуны с веревками не давали кроту уйти на глубину. Его круп возвышался над поверхностью. Над ним кружили птицы-падальщики. Самые наглые пикировали вниз и клевали крота, тот яростно дергал хвостом-огузком.

Но вот в грязной лагуне каменистой степной долины, перекрещенной лентами бесконечных путей, все стихло. Крот вздрогнул в последний раз и замер. и когда прожорливые чайки рельсоморья снова спустились на мохнатый холм его тела, он их не отверг.

Весь мир смолк. Словно переводил дыхание. Наступали сумерки. Команда кротобая «Мидас» точила ножи. Верующие истово возносили благодарность Каменноликим, Мэри Энн, или Дерущимся Богам, или Ящерице, или Великому Огму – кто в кого верил. Вольнодумцы трепетали по-своему.

Большой южный кротурод был мертв.

Остров мяса! Труп, застилающий горизонт.

Кротовозы опутали громадную тушу веревками, и поездные лебедки потянули тонны мяса и ценного меха по земле, на которую не ступала нога человека. Птицы-падальщики, наконец, улетели, в небе их сменили черные арктические мыши. В убывающем дневном свете мертвый крот предпринял еще одно, посмертное, путешествие к разделочному вагону. и никакие иллюстрации, никакие флотографии; ни даже три-диз, картины, соляные или жидкокристаллические изображения, найденные в утиле; ни уж тем более умопомрачительно-скучные воспоминания кротобоев, которые Шэму доводилось слышать великое множество раз, не могли подготовить его к той на редкость вонючей работе, которая началась потом.

Крота вскрыли и выпотрошили. Его кишки и другие внутренности заняли целую открытую платформу. Глядя на них, Шэм часто задышал. В груди у него стало холодно. Как будто он молился.

Члены команды рубили, вскрывали, ошкуривали, пилили. Они побрякивали и помогали себе песнями. «Что нам делать с пьяным тормозным?», пели они, и «Жизнь на колесах». Сандер Набби руководил их хором сверху при помощи своего видоскопа. Шэм не мог отвести глаз от этой картины.

– Что, нечем заняться? – Это был Вуринам, оторвавшийся от обдирки; в руке у него был окровавленный фленшерный нож. – Ньюни распускаешь?

– Нет, – сказал Шэм. Вуринам с голым торсом стоял в тесном кольце горячего воздуха – разделка шла при горящих кострах – буквально в дюймах от границы стужи, которая могла его убить. Его улыбка отдавала безумием. Шэм даже поверил, что их и вправду разделяли всего несколько лет.

Никто не нуждался в первой помощи, но Шэм знал, что в такую ночь, как эта, доктор Фремло не станет возражать против его присутствия на разделке. Взгляд Вуринама бегал туда-сюда, ища вдохновения; и, наконец, нашел.

– Эгей! – крикнул он всем, кто продолжал возиться с хлюпающей грудой мяса, еще недавно бывшей кротом. – Пить кто-нибудь хочет? – Ответом ему был дружный усталый хор. Он склонил голову и со значением поглядел на Шэма. –

Ну, ты слышал?

«Ну и что? – сказал Шэм. Вуринам ему нравился, даже очень, но что с того? – Я не утверждаю, что должность помощника поездного врача – это мечта всей моей жизни, – сказал он, – но таскать стаканы? У вас что, проводника нет? Нет, я ничего не хочу сказать плохого об этой профессии, но разве это мое дело разливать грог? Газливать рог? Газлирог?» – Все это Шэм высказал, но только про себя. Вслух же он сказал вот что:

– Да, сэр.

и с этого момента Шэм Йес ап Суурап окунулся в работу с головой. Именно тогда он и окровавился. Так внезапно началась самая долгая и самая тяжелая трудовая ночь в его жизни. Раз за разом он бегал из разделочного вагона в кладовую и обратно, через весь поезд. Приносил напитки, еду для подкрепления сил, бегал к доктору за бинтами и мазями, кровоостанавливающими и болеутоляющими средствами, которых требовали обожженные веревками и рассеченные ножами ладони разделочников.

Шэм обретал утешение в том, что все грубости и непристойности, которые выкрикивала в его адрес команда, дружно курочившая крота, все проклятия его лености, сыпавшиеся на его голову, произносились, по большей части, в шутовском тоне. Ему даже полегчало, когда он понял, что именно надлежит ему делать в эти часы, какова природа его труда.

Когда выдавались несколько свободных секунд кряду, он просто стоял на месте, пошатываясь от усталости. Режешь ты или нет, а в мясном вагоне крови не избежать. Так Шэм стал тем кровавым мальчиком, покачивающимся, как молодое деревцо, красным с головы до пят. Не знаящим, к чему обратиться свои мысли. Он ждал поимки крота с нетерпением, как и вся команда, и вот крот убит, а он по-прежнему не знает, что думать. Он потрясен, но все еще потерян.

Он не размышлял об охоте. и медицина, которую он должен был изучать, также не занимала его мыслей. Не пытался он заглянуть и за пределы ужасающего чуда великанских кротовьих костей. Все это просто составляло фон его нынешнего существования.

Шэм развел выпивку – «Воды! Воды больше! Не так много! Больше патоки! Не разлей!» – и сам сделал пару глотков. Тем, чьи руки были перепачканы кровью и слизью так, что не могли удержать стакан, он подносил выпивку прямо к губам. Проводник Шоссандер тоже разносил стаканы, но с достоинством; время от времени он взглядывал на Шэма и изредка кивал ему в знак солидарности, хотя и не без оттенка превосходства. Шэм разводил огонь, грел ножи, топил под котлами печи, покуда его товарищи снимали шкуру и мех, которые надлежало выскоблить и выдубить, отделяли полосы мяса для засолки и куски жира для растопки. Вселенная смердела кротом: его кровью, мочой, мускусом и дерьмом. При луне кровь казалась дегтем; огни паровоза возвращали ей исконный красный цвет. Красное, черное, красно-черное; и Шэм, словно превратившись в листок, несомый вдаль по рельсовому морю, вдруг увидел «Мидас» со стороны – узкая полоска костров и фонарей, погруженная в музыку труда и рабочих песен, таявших в бескрайних южных просторах льда и замороженных рельсов. и вся эта вселенная вращалась вокруг одного-единственного центра, которым являлась в данный момент кротовая голова. Точнее, ее ощеренная многозубая пасть в обрамлении черного меха, как будто даже в смерти гигантский хищник не перестал презирать тех, кто посмел его обездвижить, прервать его бег.

– Эй.

Доктор Фремло толкнул Шэма в бок, тот едва не упал. Он спал стоя и видел сон.

– Хорошо, доктор, – залопотал он. – Я сейчас... – и попытался сообразить, что именно он сейчас сделает.

– Иди, приляг, – сказал Фремло.

– Мне кажется, мистер Вуринам хочет...

– А где мистер Вуринам защищал свой медицинский диплом? Кто здесь врач? Кто твой начальник? Я врач, и я прописываю тебе сон. Принимать раз в сутки, по ночам. Начало приема – немедленно.

Шэм не стал спорить. Только сейчас он понял, чего он хочет по-настоящему – спать. Волоча ноги, он покинул жарко натопленный вагон, огромную клетку из ребер, которая раньше была кротом, и вышел в качающийся коридор. Побрел к себе. В свой тесный уголок. К полке, такой же, как у всех. Пробираясь через

храпящих и пускающих газы людей, которые крепко спали, отстояв смену. Песни рубщиков, врывавшиеся в сон Шэма, стали его колыбельной.

Глава 3

– Изумительно! – восклицал Воам, раздобыв Шэму работу на «Мидасе». – Просто изумительно! Ты больше не ребенок, тебе пора работать, а лучшая профессия на свете – это врач. И где еще можно узнать ее так глубоко и быстро, как не на кротовойном поезде, а?

«Что это за логика?» – хотелось закричать тогда Шэму, но разве он мог? Восторженный, волосатый, пузатый, как бочонок, Воам и Суурап, сколько-то-юродный кузен Шэма по материнской линии и один из его опекунов, сам никогда на поезде не служил. Зато он был домоправителем у капитана. Тем не менее по какой-то ему одному ведомой причине докторов он уважал даже больше, чем кротовоев. Хотя что тут удивительного, ведь другой родич Шэма, а также, по совместительству, его второй воспитатель и опекун, – сутулый, дерганый, угловатый Трууз и Верба – от них просто не вылезал. И врачи, надо отдать им должное, обычно не обижали горластого вреднючего старикашку.

Шэм был также способен отказаться от работы, добытой ему Воамом и Труузом, как втоптать их одежду в собачье дерьмо или в землю меж рельсов. Предложить взамен ему тоже было нечего, как он ни напрягал мозги. Сколько уж времени прошло после школы, а он все бездельничал. Впрочем, он и в школе, по большей части, делал то же самое.

Шэм был уверен, что на свете есть занятие, к которому у него лежит душа, для которого он создан. Тем более обидно было ему сознавать, что он не знает, в чем оно заключается. Учиться дальше он не хотел, не зная, к чему именно он способен; сдержанность в общении – возможно, результат не слишком выдающихся школьных успехов – помешала ему преуспеть в обслуживании и в торговле; для физической работы он был слишком молод и слаб; одним словом, Шэм многое перепробовал и всем остался недоволен. Воам и Трууз его не торопили, но тревожились.

– А может, – не раз начинал он, – в смысле, а что, если... – Но родичи с нехарактерным для них единодушием немедленно пресекали все его попытки развивать мысль в данном направлении.

– и не заикайся, – говорил Воам.

– Ни за что, – поддакивал Трууз. – Даже если бы ты нашел у кого поучиться – хотя где тут кого найдешь, это же Стреггей! – все равно это опасно, да и сомнительно. Разве ты не знаешь, сколько людей пробовали зарабатывать этим себе на жизнь и кончили без гроша в кармане? Для этого надо быть таким... – и он с нежностью оглядывал Шэма с головы до ног.

– А ты слишком того... – добавлял Воам.

«Чего того? – думал Шэм. Он хотел было разозлиться на Воама за его намеки, но ему только стало грустно. – Никчемный, что ли? В этом все дело?»

– ...слишком ты славный парень, – заключил, наконец, Трууз и просиял от собственного вывода. – Ты просто слишком славный, чтобы идти в сальважиры.

и вот, желая подтолкнуть своего подопечного, выступить при нем в роли старой мудрой птицы, которая выпихивает из гнезда уже вполне созревшего для полета, но еще трусящего птенца, чтобы тот впервые расправил крылья и почувствовал ими ветер, Воам раздобыл для него работу на кротовое учеником и помощником доктора Фремло.

– Много пищи для ума, дружная команда и верное ремесло в придачу! – сказал тогда Воам. – К тому же уедешь со Стреггея! Поглядишь мир! – и Воам, просияв, послал воздушный поцелуй портрету шэмовых отца и матери. Тот вспыхивал трехсекундной выдержкой в рамке, гас, вспыхивал снова, и так без конца. – Тебе понравится!

До сих пор призвание Шэма не спешило проявить себя. Однако, когда наутро после бойни Шэм проснулся и, сказав первым делом «ай!», а потом «ой!», – все мышцы и даже кости его тела болели так, словно его всю ночь били палками; потом сполз с полки и на негнущихся ногах, поводя негнущимися руками, как

рыцарь в заржавленных доспехах, вышел в коридор, где увидел солнечный свет, серый из-за пелены верховых облаков, и кружащих над поездом чаек, и своих товарищей, которые пилами и топорами вгрызались в истонченные кости кротурода, то, к своему удивлению, испытал прилив хорошего настроения, хотя и чувствовал себя почему-то самозванцем.

Большая добыча радовала всех на борту. Кок Драмин подавал кротятину на завтрак. Серый, тощий, больше похожий на труп умершего от голода человека, чем на повара, к тому же недолюбливавший Шэма, – в то утро он прямо-таки сиял, наполняя его миску бульоном.

Люди насвистывали, сворачивая в бухты канаты и смазывая маслом оборудование. На верхней палубе бросали кольца и играли в бэкгэммон, мастерски принаравливая свои движения к ритму поезда. Шэму тоже хотелось поиграть, он покрутился рядом, но отошел, со стыдом вспомнив последний матч со своим участием. Ему еще повезло, что команда, похоже, забыла и думать о его позоре, который при иных обстоятельствах наверняка должен был дать рождение постоянной кличке – Капитан Мусорное Ведро.

Он пошел смотреть на пингвинов. Снимал их на свою дешевую маленькую камеру. Эти симпатичные, слишком тяжелые для полета птицы населяли крошечные островки, где толкались и тыкали друг в друга клювами, живя, похоже, и в тесноте, и в обиде. Охотясь, они вниз головой бросались со своего утеса в землю между железнодорожными колеями, где, работая широким, точно лопата, клювом, мускулистыми лапами и крыльями, прорывали небольшой тоннель и выскакивали на поверхность, вознагражденные какой-нибудь мелкой извивающейся живностью. Но они, в свою очередь, тоже становились добычей клыкастых меркатов, барсуков, стай хищных бурундуков, – охотясь, те поднимали такой шум и визг, что у Шэма даже уши закладывало, особенно когда его товарищи пытались ловить этих тварей сетями.

«Мидас» шел не прямым курсом. Каждый фрагмент утиля, мимо которого их проводили стрелки, Шэм провожал задумчивым взглядом. Точно один из них – вот эта обмотанная проволокой ступица колеса, к примеру, или та заросшая пылью дверца от холодильника, а еще лучше вон тот предмет, похожий на грейпфрут с вырезанной долькой, выброшенный на берег и утонувший в прибрежной гальке – мог вдруг ожить и что-нибудь сделать. А что, и такое могло быть. Иногда и бывало. Он думал, что никто не замечает его интереса к этим

вещам, но как-то увидел, что за ним наблюдают доктор и первый помощник. Когда Шэм залился краской, Мбенда захохотал; но Фремло не смеялся.

– Юноша. – Лицо доктора выразило терпение. – Так, значит, вот чего жаждет твоя душа? – и он показал рукой на очередную заброшенную древность, проплывавшую в пыли за окном.

Шэм лишь пожал плечами.

Поезд настиг группу звездоносых кротов ростом с человека. Двоих успели поймать сетями, остальные скрылись. Шэм подивился тому, что вид этих животных, их пронзительные вопли произвели на него куда более неприятное впечатление, чем убийство и последующая разделка огромного рычащего чудовища. Однако это было мясо и ценный мех. Шэм специально сходил к дизелю, посмотреть, полон ли трюм и скоро ли назад в порт.

Фремло давал ему новых кукол, которых Шэм должен был сначала потрошить, а затем снова наполнять внутренностями, чтобы узнать, из чего состоит тело. На жуткие результаты его операций доктор взирал в ужасе. Он раскладывал перед ним схемы, и Шэм делал вид, будто учится. Время от времени Фремло экзаменовал его на знание основ медицины, и Шэм неизменно показывал столь ничтожный результат, что доктор даже не злился, а испытывал к нему своеобразное почтение.

Шэм сидел на палубе, свесив ноги; внизу мелькала земля. Он ждал озарения. С самого начала рейса он понял, что с медициной ему не по пути. Поэтому он производил смотр увлечениям. Пробовал резьбу по раковинам, вел дневник, рисовал карикатуры. Делал попытки учить языки иностранных членов команды. Простаивал у карточного стола, приглядываясь к приемам записных игроков. Но ничто не увлекало его надолго.

Поезд ушел севернее, где мороз отпустил, и растения выглядели не такими замученными. Люди перестали петь и снова начали ругаться. Наиболее интенсивные перебранки нередко переходили в драки. Шэму не раз приходилось уносить ноги, чтобы не стать нечаянной жертвой разъяренных мужчин и женщин, которые по любому поводу кидались друг на друга с кулаками.

«Я знаю, что нам нужно, – думал Шэм, когда обозленные офицеры разгоняли зачинщиков мыть сортиры. Ему уже доводилось слышать паровозные байки о том, как выпускать пар, когда напряжение на борту становится невыносимым. – Нам нужен Р и Р». А ведь еще совсем недавно он знать не знал о том, что эти два Р значат. Быть может, измученным бездельем людям нужны были Ром и Рыба. А может, Ролики и Решетки. Или Размер и Рифма.

Как-то пасмурным днем под сумрачными облаками Шэм сидел на крыше в компании сменившихся с вахты паровозных, которые стравливали жуков. Натянув между поручнями веревки, они соорудили арену; по ней, громко топая, кружили два сердитых насекомых. Это были жуки-танки, тяжелые переливчатые твари размером с ладонь; одиночки по природе, они становились драчливыми, когда их лишали любезного их натуре уеди нения, а потому идеально подходили для жестокой забавы. Однако теперь жуки мешкали, явно не испытывая желаний сражаться. Владельцы подбадривали их, тыча горячими металлическими прутами сзади в панцирь, пока те не ринулись друг на друга, грохоча, точно две разгневанные пластмассовые коробки.

Наблюдать за поведением жуков было интересно, но смотреть, как беспощадно подначивают их хозяева, было совсем не приятно. А рядом другие уже держали наготове клетку с роющей ящерицей, на чьей морде застыла тревожная усмешка, характерная для рептилий. Были еще меркат и шипастая роющая крыса. Так что жуки выступали только на разогреве.

Шэм покачал головой. Конечно, жукам тоже приходилось сейчас несладко, и желания драться у них было не больше, чем у крысы или скального кролика, но, сколько бы Шэм ни раздражался из-за того, что млекопитающие вызывают у него больше жалости, чем рептилии и насекомые, поделаться с односторонностью своего сочувствия ничего не мог. Он попятился – и врезался спиной в Яшкана Ворли. Шарахнувшись от него, он толкнул другого зрителя; вокруг недовольно заворчали.

– Куда это ты? – крикнул ему вслед Яшкан. – Смотреть кишка тонка?

«Нет, – подумал Шэм. – Просто нет настроения».

– А ну, иди сюда, ты, трус сопливый! – продолжал кричать Яшкан, и его крики подхватили Вальтис Линд и пара других любителей походя сделать кому-нибудь

больно. Вслед Шэму полетели оскорбительные прозвища, неприятно напомнившие ему о школе. Он залился краской.

– Они пошутили, Шэм! – крикнул Вуринам. – Нечего дуться! Возвращайся.

Но Шэм ушел, размышляя о выслушанных только что оскорблениях, о жуках, бессмысленно калечащих друг друга в драке, и о других зверьках, безнадежно ожидающих своей очереди.

Они повстречали другого кротобая; дизельный, как «Мидас», тот шел под флагами Роквейна. Команды приветственно махали друг другу.

– Куда этим охотиться на кротурода; разве только какой-нибудь зверюге жить надоест, и она сама напорется на их гарпун, – цедили на «Мидасе» сквозь зубы, прикрывая злословие улыбкой. Изобретательные поношения южного соседа еще долго служили развлечением команде.

Рельсы здесь были проложены так, что исключали тесное общение, в том числе обмен письмами и информацией. Поэтому Шэм с удивлением наблюдал за тем, как Гансифер Браунолл, угрюмая, татуированная с головы до ног вторая помощница капитана разворачивала охотничьего воздушного змея вроде тех, каких умели запускать на Кларионе, ее далекой и суровой родине.

«Что это она делает?» – думал он. Капитан прикрепил к змею письмо. Змей взмыл в воздух, как живой вырвавшись из рук Браунолл, и замер под клубящимися тучами верхнего слоя атмосферы. Повисев там, он кивнул раз, другой, третий и камнем упал на палубу роквейнца.

Через пару минут на мачте поднялся узкий треугольный флажок. Шэм долго глядел вслед удалявшемуся поезду. Он еще не в совершенстве постиг язык флагов, но этот сигнал был ему знаком. Капитан получила такой ответ: «Извините, нет».

Стоял холод, хотя и не столь беспощадный, как в Арктике. Шэм наблюдал за бурной жизнью обитателей подземного мира. В земле копошились крупные голые черви. Жуки величиной с ладонь. В корнях деревьев и останках ржавого железа и стеклянного утиля проживали лисы и бандикуты. Спускался туман, постепенно скрывая рельсы.

– Суурап, – сказал Вуринам. Паровозный боцман был сосредоточен, он примерял новую шляпу. Для него новую. Спрятав под нее свои черные волосы, Вуринам то сдвигал ее на затылок, то, наоборот, нахлобучивал на самые глаза, поворачиваясь то лицом, то спиной к ветру.

– Ты что, не слышал, как я тебе кричал? – спросил он. – Или не хотел посмотреть?

– Хотел, – сказал Шэм. – Только иногда этого мало.

– Трудновато тебе придется на этой работе, – продолжал Вуринам. – Раз тебя даже потасовка со зверями так огорчает.

– Работа и это – разные вещи, – отвечал Шэм. – Совсем разные. Во-первых, на крота охотятся не смеха ради. А во-вторых, он ведь тоже может нас убить.

– Не исключено, – согласился Вуринам. – Значит, все дело в размере? Если бы, скажем, Яшкан дрался с парой кротовых крыс или другой тварью своего размера, то ты бы не возражал?

– Я сам бы на него поставил, – буркнул Шэм.

– В следующий раз держись, – посоветовал Хоб.

– Вуринам. – Шэм заставил себя продолжить. – Что капитан спросила тогда у «Багшафта»? и почему, когда мы ловили большого крота, она спрашивала про цвет?

– А, – Вуринам оставил в покое поля шляпы и повернулся к Шэму. – Вон ты о чем.

Шэм продолжал:

– Это как-то связано с ее философией, да?

– А ты что об этом знаешь? – спросил Хоб Вуринам, подумав.

– Ничего, – промямлил Шэм. – Просто мне показалось, что она как будто что-то ищет. Это что-то определенного цвета. Оно ей нужно. Вот она у всех и спрашивает. А какого оно цвета?

– Кольцо ты кидаешь плохо, – сказал Вуринам. Посмотрел на воронье гнездо, снова на Шэма. – Лазать не умеешь. – Шэм переступил с ноги на ногу, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом Вуринама. – При виде древнего барахла впадаешь в задумчивость. Доктор из тебя никакой. Но с цветом ты попал в самую точку, Шэм Суурап.

и Вуринам подался к Шэму.

– Она зовет его цветом слоновой кости, – сказал он тихо. – Иногда просто цветом кости. А раз я слышал, как она сказала «цветом как зуб». Готов спорить на что угодно, она бы его так ни за что не назвала, но я скажу о нем просто: «желтый». – и он выпрямился. – Ее философия, – закончил он навстречу ветру, – желтая.

– Ты его видел?

– Не его – флатографию. – и он сложил ладонь ковшиком, показывая горб. – Здоровый, – сказал он. – Здоровый, как... как я не знаю что. – и шепотом добавил: – Здоровый и желтый.

Философия. Настала Шэму пора задуматься, не ее ли не хватает в его жизни, не стоит ли ему завести себе философию и пуститься в погоню за ней, невзирая ни на какие преграды. Но чем больше он узнавал о кротобойных поездах, тем большую тошноту вызывали в нем разные философии. Своего рода нервную дрожь. «Так я и знал», – подумал он.

Шэму редко хотелось по ночам чего-нибудь, кроме сна. Но тот разговор так взволновал его, что он просто не мог отдаться тусклому забытию. Он не лежал, а

сидел, насколько позволяла низкая полка. Слушал, как фыркает за бортом ветер и скрипит металлическая обшивка поезда. Думал о своем. Наконец он встал.

Дрожа от холода, тихонько пробрался меж спящими. Что не так просто в тесном купе, забитом всякой всячиной. На каждом шагу под ноги норовила подвернуться то свернутая веревка, то коврик, то гремучая железяка, то что-нибудь из безделушек, которыми сентиментальные кротобои украшали свое временное жилье, стараясь придать ему уюта. С низкого потолка свисало тоже много такого, обо что можно было треснуться головой. Но дни, проведенные в поезде, не прошли для него даром. Жизнь на колесах изменила его, добавила ему ловкости.

Лестница наверх. Ночная смена уже перешла на другую палубу, но Шэм все равно не высовывался, не желая попадаться им на глаза. Поезд уходил все дальше в холодную глубину рельсового моря, темного, если не считать череды подвесных огней, возле которых кружились маленькие крылатые поклонники, у каждого свои. Блестящими полосами убегали вдаль рельсы, отражая свет, между шпалами металась тень. Звезд Шэм не видел.

Ему захотелось пройти вдоль всего поезда до веревочной лестницы и подняться по ней наверх, в гнездо. Потом ему захотелось показать спящему Вуринаму неприличный жест и вскарабкаться на продуваемую всеми ветрами платформу, где в обнимку с двухсекционным обогревателем коротал ночь вахтенный бедолага, глядя на невидимый во тьме горизонт.

Только безумный капитан станет вести охоту ночью, в темноте перегоняя состав с пути на путь. Впередсмотрящему было приказано искать огни – это могли быть другие кротобои, в худшем случае пираты, или, скорее всего, действующий утиль. Вот именно это, сказал себе Шэм, ему и хотелось увидеть.

Не просто – хотя что тут такого простого? – заметить призрачные изгибы балочных ферм в коросте цемента, или разбитый черный купол, или мусор, или железобетонно-стеклянные артефакты с обрывками проводки, тут и там торчавшие из рельсоморья. Нет, найти действующий утиль, подвижный, оживляемый таинственной, неведомо откуда берущейся энергией. Звучащий, светящийся, послушный давно забытым планам. Вот какая была у него мечта, не чета глупой капитанской философии.

Шэм взглянул на болтавшуюся перед ним веревочную лестницу. Ругнулся. Как будто снаружи было не холодно, а ему не страшно. Ну и что, если он выйдет сейчас наверх и что-нибудь увидит? Капитан Напхи сделает еще пометку на карте и сообщит другим. А «Мидас» пойдет дальше, охотиться на кротов.

«Лучше я ничего не буду находить», – подумал Шэм и надулся как ребенок. Прокравшись тем же путем к холодной полке, он лег, запретив себе стыдиться.

На следующий день, когда с высоты раздался крик впередсмотрящего, сердце Шэма подпрыгнуло, но это оказался не крот и даже не совсем утиль. Это было нечто, о чем он и помыслить не мог.

Глава 5

Мир неба состоит из двух слоев, а мир земли – из четырех. Это ни для кого не секрет. Об этом знал Шэм, знает эта книга, знаете теперь и вы.

Сначала идет нижнее небо, оно простирается над рельсоморьем на две-три мили с хвостиком. Примерно на такой высоте воздух внезапно приобретает цвет грязи, а небо застилают – обычно застилают – лохматые токсичные облака. Это граница верхнего неба, где охотятся чудовища, жадные космические летуны. Счастье, что есть туман, скрывающий их от людских глаз; но стоит облакам чуть-чуть рассеяться, и чужеродные твари предстают во всей красе, заставляя наблюдателей вздрагивать от ужаса. Правда, бывает еще, что во время побоищ, которые они устраивают наверху между собой, кому-нибудь отгрызут крыло или ногу, и тогда она свалится вниз и прильет зазевавшуюся птицу, залетевшую выше, чем подсказывает благоразумие.

Но мы хотели говорить не об этом. Мы ведем речь о мире, который состоит из четырех слоев.

Во-первых, слой подземелья, где копают свои ходы землеройные животные, где есть пещеры, корни деревьев, залежи еще более древнего утиля и, может быть, стальные рельсы и деревянные шпалы давно забытого или никогда не

виданного моря рельсов.

Настоящее рельсоморье опирается на плоскость; это и есть второй слой. Колеи, соединяющие времена и страны, проложены во всех направлениях, куда ни глянь. Они уходят в вечность.

Земли, страны и континенты – слой номер три. Они выше уровня рельсов. Они покоятся на нормальной почве, то есть на основании из камня или такой плотной земли, что обитатели первого уровня не в силах прогрызть ее своими клыками и когтями. Поэтому там живут люди. Таковы бесчисленные архипелаги, уединенные острова и таинственные континенты, обиталища загадочных народов.

А надо всем этим, там, где пики самых высоких гор пронзают мили пригодного для дыхания нижнего воздушного слоя и, прорывая границу двух небес, уходят наверх, лежат бугристые, липкие от грязи нагорья. Там, в обители ядовитых испарений, за пеленой нечистого тумана ползают, снуют и ковыляют бесчисленные кузены и кузины верхнебесных летунов, дышащие отравой хищники, парвеню животного мира.

Из четырех описанных уровней для обитания человека пригодны два с половиной. На суше, то есть на внутренних частях островов, далеких от рельсов и шпал и дикой грязи рельсоморья, цветут сады и колышутся в лугах травы. Там есть озера и быстрые ручьи. Хорошие пахотные земли, на которых растут злаки. Там фермятся фермы и городятся города. Именно там, на земле, проживает большая часть человечества. Не зная ни тревог, ни поездов.

Их обрамляют другие регионы, близкие к морю. Называемые литторальными. В них есть портовые города, откуда выходят транспорты, товарные и охотничьи поезда. Маяки освещают им путь, проводя мимо громоздящихся повсюду рифов из отбросов. «По мне либо суша, либо рельсы, – говорят и рельсоходы, и сухопуты, – лишь бы не литторальная половинчатость». Рельсоходы особенно любят изречения подобного рода. У них на любой случай найдется если не правило, так поговорка. Например: «От плетей да от пути не зарекайся».

и снова сменившиеся с вахты толпятся вокруг дерущихся животных. Снова владельцы щиплют и подталкивают своих подопечных.

Был яркий, морозный день, у Шэма слезились глаза от ветра. Он бочком подошел к шумливому кругу. «Ах, чтоб вас», – неизвестно почему мелькнула у него мысль, когда он увидел, на кого азартные игроки ставят сегодня.

Это были птицы. Причем не исконные обитатели этих широт, нет: то были крошечные боевые петушки. Должно быть, их специально холили и лелеяли для этого момента. Каждый был меньше воробья. Они трясли крошечными бородками, колыхали еле видимыми гребешками, кукарекали, выпячивали грудь, кружа друг возле друга, примериваясь к противнику. На ножках у них были крошечные острые шпоры. Не железные, как у птиц покрупнее, а из заостренных терновых колючек, как это было заведено для всякой бойцовой мелюзги.

Да, Шэм видел, с каким знанием дела иные в толпе разглядывали крошечных забияк. Он и сам по достоинству оценил безумную храбрость яростного нападения, когда одна птица вдруг бросилась на другую. Услышал, как взлетели до небес ставки, обнажая математику жестокости. Но, как Шэм ни старался превозмочь отвращение и вызвать в себе энтузиазм или хотя бы равнодушие, ничего не помогало: он морщился, видя лишь одно – какие эти петушки маленькие.

После секундного промедления он склонился над площадкой. «Зачем это?» – подумал он тут же. Он наблюдал за собой, как за марионеткой. «Что это Шэм задумал?» – удивился он.

Ага, вот и ответ. Оказалось, что не одни млекопитающие способны вызывать в нем сострадание. Пока Шэм натягивал рукава на пальцы, все вокруг смотрели на него с удивлением и даже не пытались его остановить, настолько спокойно и уверенно он все делал. Вот он погрузил руки в вихрь из пыли, крови и перышек, внутри которого пытались забить друг друга до смерти крошечные петушки, и схватил обоих, одного правой рукой, другого левой.

Ветер продолжал дуть, чайки кричать, локомотив пыхтеть, но все равно в первую минуту у него было такое чувство, как будто вокруг установилась полная тишина. «Ах», – услышал он у себя в голове. Полунасмешливый, полуодобрительный комментарий Воама и Трууза. А за ним – и это его удивило –

вдруг проступили давно забытые голоса исчезнувших матери и отца, которые спорили из-за него. Из-за Шэма. Наблюдали за ним.

Все, кто был на палубе, уставились на него.

– Что это ты затеял? – спросил Яшкан.

«Понятия не имею», – подумал он. и продолжал вслушиваться во внутренние голоса, словно ждал ответа. и снова услышал: «Ах». Спасенные птицы были при нем, Шэм убегал.

Его душа так стремительно ворвалась в покинутое было тело, точно ею запустили из катапульты. Он пришел в себя уже на бегу, его грудь ходила ходуном, ноги стучали в палубу, поезд летел вперед на полной скорости. Шэм с легкостью брал препятствия. За ним неслась возмущенно вопящая толпа.

Оглянувшись, Шэм увидел, что его догоняли, потрясая кулаками и выкрикивая угрозы и проклятия, не только здоровенный откатчик Бранк и маленький переводник Заро, чьих петушков он украл; не только Яшкан и Линд, желавшие вздуть его хорошенько по личным мотивам; нет, все, кто поставил на птиц, неслись теперь за ним по пятам.

Шэм был неуклюж, но сейчас он ловко перескакивал через рундуки, кабестаны и трубы высотой ему по колено, подныривал под балки, отделявшие одну часть палубы от другой. и вообще двигался куда быстрее, чем сам считал себя способным. Чем считали возможным его преследователи. и все это без рук, в которых он сжимал – осторожно, чтобы не помять! – по крошечному боевому петушку. Шэм пробежал из конца в конец всю палубу, преследуемый разъяренными женщинами и мужчинами, которые на ходу выкрикивали друг другу указания, как окружить его там или схватить здесь. Петушки клевались и царапались, и, несмотря на свои миниатюрные размеры и на ткань, покрывавшую ладони Шэма, все-таки ухитрились пустить ему кровь. Подавляя естественное желание немедленно отшвырнуть их обоих, он забрался по лестнице на крышу складского помещения. Это был тупик. Его окружили.

Некуда бежать. Бранк и Заро приближались. Он даже сглотнул, увидев их ярость. Однако не все его преследователи были так же злы, многие хохотали. Вуринам аплодировал. Улыбался даже проводник Шоссандер.

– Отлично бежал, парень! – крикнул Мбенда. Шэм протянул вперед руки с перепуганными птахами, точно те были оружием. Точно он мог метнуть их яростными дерущимися тельцами в преследователей. и тут же подумал: «Что я делаю?»»

В отчаянии он решил подбросить птиц в воздух, пусть их подхватит ветром. Крылышки у них были подрезаны, но, работая ими непрерывно, они все же могли бы пуститься в контролируемый полет и покинуть палубу. По крайней мере, так они избежали бы уготованной им тут смертельной схватки. Но, приземлившись где-нибудь еще, они через секунду станут чьим-то обедом. Он замешкался.

Нет, без подзатыльника-другого дело не обойдется, подумал он, да и Заро с Бранком уже наседали. Но когда могучая длань торжествующего Бранка уже поднялась для хорошей оплеухи, из гнезда впередсмотрящего донесся зычный крик. Впереди показалось что-то важное.

На миг все застыли. Затем Мбенда скомандовал:

– По местам! – Команда рассыпалась. Бранк и Заро подождали, пока Шэм нехотя отдал им птиц – выбора у него не было.

– С тобой мы потом еще разберемся, – прошипел Заро.

«Как скажешь», – подумал Шэм. Хорошо, петушки получили хотя бы передышку. Он снова стал медлительным, вся энергия, которая еще недавно заставляла его двигаться столь стремительно, куда-то исчезла. Тяжело переводя дух, Шэм спустился со своей маленькой платформы посмотреть, что видно.

– В чем дело? – спросил Шэм. Тормозной кондуктор Ункус Стоун не обратил на его слова никакого внимания, а Мбенда раздраженно цыкнул в ответ.

Их окружали атоллы величиной с дом. Шерстистые белки следили за «Мидасом» оттуда, где прибрежные деревья спускались с рельсоморью. По ту сторону почти лишённого рельсов участка Шэм увидел цепочку свежих руин. Исковерканный силуэт.

и сам ответил на свой вопрос.

– Крушение.

Короткий, сильно покореженный состав. Локомотив валялся на боку в пыли. Полный сход с рельсов.

– Итак, внимание, – захрипел через интерком вечно печальный голос капитана. – Флагов нет, признаков жизни тоже нет. Сигнала бедствия мы не получали. Ракеты не было. Информации ноль. Протокол вам известен. – На борту кротобоя не было оборудования для сбора утиля. Но не помочь поезду, терпящему бедствие? Любая команда – кроме, конечно, пиратской, – бросит все дела, если представится случай спасти кого-то. Таков закон рельсов. Вздох капитана, который она не позаботилась скрыть, яснее слов говорил о том, что она, хотя и без энтузиазма, но все же покоряется моральному долгу, подкрепленному законодательством. – Готовьтесь. – Шэм догадался, что всякое отклонение от преследования собственной цели, состоящей в том, чтобы пестовать, холить и лелеять свою философию, доставляло ей боль.

Переводники повели «Мидас» к разбитому составу. Собственно, это был даже не состав: один вагон, один локомотив. Он лежал на боку, задрав колеса, словно издохшая корова – копыта.

В бухтах Салайго Месс и Стреггея, его родного дома, курсировали кротобои из разных стран. Шэму доводилось видеть немало транспортных средств любых конфигураций, как живьем, в гавани, так и на всякого рода иллюстрациях. Этот поезд, лежавший перед ним на боку, был ему совершенно незнаком, и не только потому, что его изуродовала катастрофа.

Попасть на разведочную дрезину оказалось куда легче, чем он думал. Все еще на адреналине, не до конца выветрившемся после неудачной миссии по спасению птиц, Шэм сам придумал себе задачу, якобы по поручению Фремло пришел туда, где собиралась высланная в разведку команда, пристроился за Хобом Вуринамом и скоро уже ступил на шаткий пол самоходной тележки. Буркнул что-то насчет первой помощи.

Шоссандер, который остался на главной палубе, поднял бровь, но явно счел ниже своего достоинства жаловаться. «Спасибо Каменноликим, что он такой гордый», – подумал Шэм. Вторая помощница капитана Гансифер Браунолл перегнулась через перила вяло движущейся дрезины и крикнула в громкоговоритель:

– Эй, на борту, есть кто живой? Эгей!

«Да нет там никого живых, – подумал Шэм. – Медицинский факт, – добавил он, еще подумав. – Вид у него такой, как будто на него напал ангел».

У валявшегося на боку локомотива не было трубы – значит, не паровоз. Первый вагон топорщился остатками машины. Она была всмятку. Окна разбиты или заблокированы. Весь вагон опутал жилистый терновник.

Команда притихла. Поскрипывая на ходу, дрезина подъезжала к поезду в нерезком свете. Туча рыжих и цветных дневных летучих мышей снялась с руин при ее приближении. Жалобно пищая, мыши сделали над головами людей круг и унеслись к ближайшему островку.

Технически это, конечно, был утиль. Живых на обломках нет? Значит, команда может забирать себе все, что найдет. Но, как ни радовали Шэма следы произошедшей катастрофы, это все же обычный утиль, не более, не менее. Не этого он хотел, не это воспламеняло его воображение, иного жаждала его душа. Слава археосальважера, исследователя таинственных и непонятных древних руин – вот что его манило.

Мелкие зверушки суетились в траве. «Мидас» маячил вдали, команда, высыпав на верхние палубы, наблюдала за тем, как дрезина крадучись подошла к поверженному локомотиву и осторожно ткнулась ему в бок.

– Так, – сказала Браунолл. – Добровольцы. – Все смотрели на нее молча. Поджав татуированные губы, она продолжила: – Зайти можно и отсюда. Никто не просит вас касаться земли. – Все занялись проверкой оружия. – Вуринам, – сказала Браунолл. Боцман вытянулся на носках и снял выдавшую виды шляпу. – Теодозо. Торн и Клайми, Ункус Стоун остаются со мной. Остальные в две шеренги становись. и внутрь шагом марш. Обыскать сверху донизу. Все, что есть, и всех, кто есть, тащите сюда. А ты куда? – Это Шэму, который тоже готовился к

высадке на руины.

Он продолжал дивиться собственной смелости, столь нехарактерной для него раньше.

- Вы же сказали... нам идти...

- Суурап, кончай валять дурака, - продолжала она с меланхолическим акцентом уроженки внутреннего Клариона. - Думаешь, я не заметила, как ты влез в дрезину? Я все видела. Не знала, что ты такой нахал, парень. Не испытывай мое терпение. Отвали. - Она показала на корму. - и... - Она приложила к губам палец.

Один за другим осторожные исследователи ныряли в окно вагона, превращенное катастрофой в люк.

- Твое счастье, что я не отправила тебя пешком обратно, - сказала Браунолл Шэму. Он прикусил губу. Да нет, она бы так не сделала. Но при мысли о том, как он возвращается к поезду, перепрыгивая с одной пыльной шпалы на другую, стараясь не наступить ногой на страшную землю, у него похолодело в груди.

и он остался. Стоял, переводя взгляд с рельсов на руину и обратно. Йенс Торн пулял заржавленными шурупами в сигнальный механизм неподалеку. Сесили Клайми, Каменноликие знают зачем, проводила замеры координат сложным секстантом. Ункус Стоун напевал себе под нос и резал ножом деревяшку. У него был приятный голос: даже Браунолл не велела ему заткнуться. Стоун пел старинную балладу о девушке, которая упала с рельсов и которую спас подземный принц.

Летучие мыши успокоились. Пара мохнатых кроликов издали наблюдали за людьми, и Шэм нацелил на них свой небольшой аппарат - подарок Воама и Трууза, с ликующим «тадам!» преподнесенный ими подопечному.

- Эгей! - Из горизонтального окна высунулась голова Хоба Вуринама. Он встряхнулся, с его волос полетела пыль.

- Ну, что там? - прокричала Браунолл. - Как ситуация?

– Да никак. – Вуринам сплюнул через край окна. – Пусто. Как будто тыщу лет тут валяется. Локомотив уже весь прочесали. и не раз.

Браунолл кивнула.

– А вагон?

– Я как раз насчет него, – сказал Вуринам. – Помнишь, ты велела Шэму Суурапу сидеть на приколе? – Вуринам хмыкнул. – Так вот, может, придется и передумать.

Глава 7

Шэм пробирался через комнату боком. Ее пол был когда-то стеной. В тесноте он пролез мимо товарищей.

– Видишь, в чем проблема? – сказал Вуринам. В конце комнаты, под нынешним потолком, была дверь, приоткрытая на несколько дюймов. – Ее заклинило, – объяснил Вуринам, – а мы все чуток крупноваты.

Вообще-то это было неправильно. Обычно члены команды подначивали Шэма насчет его роста, что он, мол, слишком велик для своих лет, и были правы. На «Мидасе» он был не самым юным, не самым мелким и не самым худощавым. Йехат Борр при росте в три фута с хвостиком был мускулист и силен, как медведь. Отжимался, стоя на руках. Бросал гарпун, как сам Бенайтли. Причем вися вниз головой на веревке. Но на дрезине Шэм оказался самым мелким и самым легким.

– Меня вообще не должно здесь быть. – Его голос дрогнул, Шэм это услышал, ему не понравилось. Он ведь сам сюда пролез, разве нет? А при малейшей опасности, значит, взад пятки? Выходит, его дело накладывать повязки да заваривать чай, а лезть в недоступный вагон на потерпевшем крушение поезде – это уж без него, пожалуйста.

«О, Каменноликие», – подумал он. Закрытое купе отталкивало и притягивало его одновременно.

– Я же говорил, – буркнул кто-то. – Бросьте, он откажется...

– Ну, смелее, – настаивал Вуринам. – Старье ведь тебе по нраву или нет? – Он поглядел Шэму в глаза. – Что скажешь?

На Шэма смотрели все. Что заставило его сказать «да», стыд или бравада? Хотя какая разница.

Он цеплялся и лез. Отталкивался ногами. «Как будто исследуешь заброшенный дом на Стреггее», – говорил он себе. Ему не раз доводилось это делать. Получалось не то чтобы блестяще, но куда лучше, чем можно было ожидать. Пока его подталкивали под зад, держа за ноги, он извернулся, выдохнул и просунул голову и плечи внутрь.

Там было темно. Окна в той стене, которая теперь стала потолком, закрывали ставни. Узкие лучи света с танцующими в них пылинками просовывались в щели, выхватывая пяточки пола, плесень, обрывки бумаги, какое-то тряпье.

– Я мало что вижу, – сказал Шэм. Он заскребся, полез дальше, и, наконец, со стуком спрыгнул на пол. «Что ж, – осторожно подумал он, обтирая руки, – пока все не так плохо».

– Я внутри, – сказал он вслух. – Так, что у нас тут?

Немного. Задняя часть вагона была сплющена, разбита в лепешку мощным ударом, уже давно. Глаза Шэма привыкали к отсутствию света. На клочках бумаги еще сохранились какие-то знаки, слишком мелкие, а потому непонятные. Кучками лежал пепел.

– Ерунда всякая, – сказал он. Окна у его ног были распахнуты в землю. От ее близости его невольно бросило в дрожь.

Нет ничего странного в том, что в тот момент Шэм подумал об отце. Мысли в его голове тащились со скоростью тяжело нагруженного товарняка. Так вот, значит, как все было, когда перевернулся его поезд? Никто тогда не выжил, семьи не получили никакого известия. Шэм много раз задумывался о том, каким был тот потерпевший крушение поезд – удлиненная тайна на колесах. Правда, он никогда не представлял его себе лежащим на боку, как этот. Теперь ему представился случай исправить ошибку своего воображения. Он шмыгнул носом.

Шэм двинулся дальше, разбрасывая ногами мусор. В детстве он не раз играл с ребятами в сальважиров. А теперь сам оказался внутри утиля, в прямом смысле слова. Перед ним были обломки стула. Осколки ординатора. Изуродованная пишущая машинка с торчащими в разные стороны клавишами. Он пошевелил ногой грудку тряпок.

Что-то со стуком выкатилось из лохмотьев. Череп.

– В чем дело? – крикнул Вуринам, услышав Шэмов визг.

– Я в порядке, – отвечал тот. – Испугался просто. Ничего страшного.

Шэм смотрел на череп, тот смотрел на него. Глазниц было три – прямо в центре лба располагалась аккуратная лишняя дырочка. Шэм ногой отмел в сторону тряпки. Под ними оказались еще кости. Однако для целого скелета их явно не хватало, как не сразу, но все же сообразил Шэм, на которого снизошло неожиданное озарение.

– Кажется, я нашел капитана, – тихо сказал Шэм. – Только спасти его уже поздно.

Кость предплечья торчала из оголенной грязи в окне. Она уходила в нее глубоко. Рядом была расколота чашка, набитая грязью. Как будто ею копали.

Шэм был уже не маленький. Конечно, он знал о том, как распространяются суеверия, и знал, что земля не яд в полном смысле слова. Много лет прошло с тех пор, когда он верил, что по-настоящему отравится и умрет от одного прикосновения к ней. Но все же она представляла реальную опасность. Всю жизнь, с раннего детства, его учили избегать контакта с землей, и не без причины.

Однако он присел. Медленно протянул вперед руку. Осторожно коснулся пальцами земли в окне, но тут же отдернул их, будто обжегся. Он вспомнил себя школьником, когда они с одноклассниками пробирались в Стреггейскую гавань и толпились у самого берега, над жирной землей рельсоморья, расчерченной сеткой путей. Тогда все подначивали друг друга пощупать землю.

Шэм сморщился и натянул на пальцы рукав. Потом вытащил из земли кость и отшвырнул ее в сторону. Долго собирался с мужеством. Наконец медленно погрузил пальцы в дыру, чтобы узнать, что там искал или, наоборот, прятал мертвец.

Он скрипнул зубами. Внутри было сухо и холодно. Он пошарил еще. Протянул руку дальше. Почувствовал что-то. Ощупал это что-то кончиками пальцев, ухватился, аккуратно потянул на себя. Это оказался плоский пластмассовый квадратик, вроде того, что был в его камере. Карта памяти. Он опустил ее в карман, лег на землю и снова сунул руку в дыру.

– Шэм! – крикнул Вуринам. Шэм лежал, прижавшись щекой к земле. Наверху, шелестя крыльями, точно страницами, пищали дневные летучие мыши; они возвращались на насиженные места. – Шэм, выходи!

– Сейчас, – сказал Шэм и протянул руку еще дальше. и тут же был укушен.

Шэм подскочил, как игрушечный чертик на пружинке, вопя от ужаса и размахивая окровавленной рукой. Вуринам кричал, летучие мыши пищали, из-под земли раздавался треск.

Шэм понял, куда девались кости капитана. Теперь он знал, почему от его одежды остались одни лохмотья. Он схватился за висящую набок дверь, но его раненая рука не держала как следует. Из окон выпучивалась земля. Раздавался страшный костяной звук. Шэм уставился в дыру в земле. Оттуда на него смотрели два глаза.

Тварь лезла вверх. Вот-вот вырвется из своего тоннеля. Прогрызет путь наружу. Страшная, голая, бледная, как труп, морщинистая, зубы-ножницы. Голая кротовая крыса.

Глава 8

С тех пор, как человечество встало на рельсы, опасности и страхи, таящиеся под землей, а также их неодолимая притягательность вошли у людей в легенду. На островах нормального уровня есть, конечно, свои хищники. Горные кошки, волки, ящерицы-вараны, агрессивные нелетающие птицы, разные другие твари, всегда готовые загрызть, заклевать или затоптать неосмотрительного путника. Но они лишь малая часть экосистем твердой земли, так сказать, наверху многоэтажных пирамид животной жизни. А те предусматривают разные типы поведения живых существ, не только агрессию, но и кооперацию, и симбиоз, и даже нежность.

Жизнь под землей, напротив, отличается прямолинейной строгостью отношений. Там каждый норовит сожрать каждого.

Есть там свои травоядные. Они грызут корни. Но их мало, и они всегда в опасности. Глядя на них, поневоле подумаешь, что Драчливые Боги рельсоморья, наскучив своими вечными сварами, решили отдохнуть и создали их жестокой шутки ради. Заглянем под рельсы и шпалы: те твари, что роют норы и ходы, те, что крадутся чужими тоннелями, те, что выныривают из моря и снова бросаются в него, те, что протискиваются в расщелины расколотого мира, те, что обвиваются вокруг корней и сталактитов, – все они в подавляющем большинстве хищники, безжалостные и жестокие. Как полагают натуралисты, давящая материальность подземного царства способствует росту напряженности жизни. По сравнению с ним экосистемы островов представляются оазисами миролюбия.

Однако жестокие нравы рельсоморья, его глубин и поверхности, вовсе не исключают сложных моделей поведения. Вечно голодным подземным тварям известно немало способов – в том числе весьма изобретательных – съесть зазевавшегося собрата или даже злополучного мужчину или женщину. Тварям рельсоморья все в пищу годится. Вот почему поездные бригады видят в них лишь одно: бесконечную галерею страхов.

Любой рельсоход скажет вам, как опасны быстрые наземные бегуны, которые носятся по поверхности, перескакивая через рельсы, хватая все, что движется; однако в истинный ужас скитальцев железнодорожного моря повергают эрахтоносы. Этого слова вы не найдете в словарях. Его придумали люди дорог; его значение – «то, что выкапывается из-под земли и выходит на поверхность».

Именно в эрахтоносах знатоки агрессии животного царства видят самых опасных его представителей. Размер, аппетиты, острота и количество клыков, разумеется, важны, но не они определяют самого удачливого охотника. Есть другие, куда более жуткие свойства, которые нужно принимать во внимание. И не без причины один определенный вид животных-копателей занимает в воображении рельсоходов совершенно особое место, ужас перед ним затмевает страх перед всеми другими.

Глава 9

В последний раз оттолкнувшись от земли жуткими лапами без когтей, кротовая крыса прыгнула на Шэма. Он споткнулся. Это его спасло. Крыса пролетела мимо, врезалась в противоположную стену и сползла по ней, слегка оглушенная ударом.

Шэм видел подобных тварей в Стреггейском террариуме. Но то были мелкие, одомашненные экземпляры, покладисто грызущие все, что им бросали наблюдатели. Впрочем, там их держали порознь. Теперь же прямо под ним дикие родственницы тех пленников прогрызали себе путь в толще земли острыми, точно ножи гильотины, зубами. Вот они уже показались на поверхности. Целая стая. Нет, армия, управляемая коллективным разумом. Именно пробуждения этого разума опасались наблюдатели Стреггейского террариума, содержа их родичей в клетках-одиночках.

Кротовые крысы выскакивали из земли. Похожие на безволосых, сморщенных новорожденных млекопитающих, увеличенных до размера собаки, они щелкали жуткими резцами. Их глазки темнели на фоне белой кожи, словно изюмины в тесте. Они шумно дышали. Земля под ними стонала.

Шэм вскочил на дверь. Повис. Звери окружили его. Лязгали зубы.

Его пальцы соскользнули.

Он упал.

Был пойман.

Вуринам оказался за дверью: ухватив Шэма за запястья, он тянул его на себя, кряхтя от натуги. Крысы сзади скакали и хватали его за пятки. Вуринам тащил, Шэм полз, и вместе они все же выдернули его из-за заклиненной двери. Он упал на пол в перевернутом вагоне, среди своих.

– Бежим! – раздался чей-то крик. Люди запрыгивали кто куда мог, колотя по земле палками и всем, что подворачивалось под руку, но поздно. Земля вскипала в оконных проемах – еще недавно пустые, они заполнялись саблезубыми крысиными мордами.

Прижимаясь к стенам, перескакивая через оскаленные морды, рельсоходы лезли вверх, к свету. Шэм услышал выстрелы. Он уже бежал по покосившемуся вагону снаружи.

Кругом носились летучие мыши, задевая его своими крыльями. Оттолкнувшись от крыши, Шэм взмыл в воздух и с грохотом приземлился на середину дрезины, где Гансифер Браунолл с бригадой уже вовсю молотили лезущих со всех сторон крыс по спинам и пастям и даже стреляли в кишачих вокруг них тварей. Вдруг над краем тележки поднялась звериная морда, покрытая короткой шерстью, словно фланелью; ее усы дрожали, зубы клацали, не предвещая ничего хорошего. Шэм пошарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого, его рука натолкнулась на чайник – как он попал на дрезину, неизвестно, но именно он послужил юноше метательным снарядом.

Вуринам прыгнул, но приземлился неудачно, врезавшись в Ункуса Стоуна. Тот потерял равновесие, покачнулся, навалился на поручень и выпал, рухнув прямо на землю между рельсами.

Прямо на голую землю.

Стоун барахтался. Он уже на дюйм ушел в рыхлый грунт. Раздался ненужный крик – «Человек за бортом!» – хотя все и так это видели.

Кротовые крысы вскинули головы разом, словно по свистку. Лежавший на боку вагон вздрогнул, как будто что-то под ним внезапно ожило и дернулось. Крысы синхронно нырнули в землю и начали быстро ее грызть, прорываясь к Ункусу. Тяжелый земляной вал стремительно надвигался на дрезину.

– Держись! – завопил Вуринам, протягивая за борт руку. – Быстрее! – Ункус полз. Неуклюжее четвероногое. Кротовые крысы неслись под землей, поднимая мрачные клубы пыли. Они перли к поверхности, земляной холм приближался. Стоун завизжал.

Вуринам схватил его и тянул вверх, а другие тянули Вуринама. Обезумевшие летучие мыши тучей кружили возле Шэма, так что ему пришлось отбиваться от них руками. Земляной холм рос, треща и постанывая изнутри, и Шэм, приглядевшись, заметил мелькающий в нем горб со складками обвисшей кожи – то была кротовая крыса вдвое больше других. Крысы жили подобием роя, как пчелы, а это приближалась их матка.

Ударил фонтан земли, в нем открылась полость – огромная ротовая дыра. Шэм кричал, Вуринам тянул, Ункус с воем вползал на борт. Раздался рокот – это крысиная королева, впустую клацнув зубами, опускалась на землю, лишенная добычи. Земля улеглась. Но Ункас все визжал. На его ноге висела, вцепившись в окровавленную конечность всеми зубами, кротовая крыса.

– Убейте тварь! – рявкнула Браунолл.

Это сделал Шэм. Треснул ее чайником так, как ему никогда еще не доводилось бить по живому. Крыса кувыркнулась в воздухе и шмякнулась в пыльную колею за дрезиной.

Воспрянув духом и прокричав короткое «ура», мужчины и женщины с «Мидаса» оставили позади колонию крыс-мародеров. Настало время заняться Ункусом.

Люди «Мидаса» толпились на верхних палубах, ярясь из-за того, что видели нападение, а помочь ничем не могли. Ункус стонал.

Шэм услышал слабое, жалкое царапание, оглянулся и увидел мельтешение чего-то пестрого. В углу дрезины билась раненая летучая мышь. Она пыталась взлететь, но все время падала, поврежденное крыло не держало ее в воздухе. Наверное, это он нечаянно поранил ее, отмахиваясь. У нее на мордочке была пена.

Вуринам наклонился, чтобы выбросить ее за борт.

– Нет, – сказал Шэм. Он осторожно поднял мышь. Она пыталась его укусить, но без большой охоты, так что он с легкостью избежал ее зубов. Когда пришла его очередь ступить на трап, сброшенный на дрезину с «Мидаса», летучая мышь была у него под рубашкой.

Его уже ждал доктор. Бесцеремонно схватив его за плечи, он осмотрел его на предмет ран, встряхнул и велел готовиться. За его спиной на борт вносили Ункуса Стоуна.

– Как он, док? – Вопросы доносились из коридора. – Можно с ним поговорить? – Доктор снял окровавленный фартук, поймал взгляд Шэма и кивнул. Шэм, у которого один вид операции по-прежнему вызывал позывы к рвоте, распахнул дверь хирургической, за которой стояли ребята из поездной бригады.

– Ладно, – отрывисто сказал Фремло тоном смертельно усталого человека. – Входите. Все равно вы ничего от него не добьетесь, я накачал его наркотой по самые жабры. и ногу его не трогайте.

– Какую ногу?

– Никакую, мать вашу!

Шэм вышел, чтобы дать им место. Он слышал, как они шепчутся.

– Что ты нашел, Шэм ап Суурап? – раздался чей-то голос.

Он поднял голову. Перед ним стояла капитан.

Абаката Напхи. Подняла свою руку-протез, загораживая ему путь. Ее темно-голубые глаза смотрели прямо в его глаза. Они были почти одного роста, причем он массивнее, однако ему всегда казалось, что ему приходится задирать голову, чтобы встретить ее взгляд. Шэм точно язык проглотил. Раньше он никогда не слышал от нее ничего, кроме «Шевелись», «Положи туда» и «Уходи». А оказывается, она даже знает его имя.

– Отвечай, – буркнул Фремло.

Шэм подумал: «А доктор-то здесь откуда взялся?»

– Капитан, я... – выдавил Шэм. Летучая мышь – скрывать ее уже не было смысла – запищала.

– Внимание, – сказала капитан Напхи. – Мы еще подумаем, можно ли тебе держать эту гадость здесь, ап Суурап. А пока отвечай на вопрос. Что было в руинах?

– Ничего, мадам капитан, – промямлил Шэм. – Скелет только, а так больше ничего. Вот и все. Скелет, да еще тряпки.

– Вот как? – сказала Напхи. Она прикрыла глаза и опустила свою искусственную руку, которая прожужжала моторчиком и оставила в воздухе полоску выхлопа. Шэм не отрывал глаз от сложного механизма, изучал линии черного дерева.

– Ничего, мадам капитан, совсем ничего. – «Ты что, спятил? – подумал Шэм. – Почему ты лжешь?» – Но, не успел он подумать, что тот крохотный фрагмент утиля, который он обнаружил, принадлежит ему по праву нашедшего, как его язык сболтнул: – Да, еще вот это. – и он, вынув из кармана пластиковый квадратик, протянул его капитану.

– Можно вас на минутку, капитан? – Фремло знаком попросил ее следовать за ним – кто еще во всем поезде позволил бы себе такое? Напхи бросила на Шэма

задумчивый взгляд.

– Спасибо, что вспомнил, – сказала она. Взяла квадратик и пошла за Фремло. Шэм смотрел им вслед. Он стоял неподвижно, скрежеща зубами. Внутри у него все кипело, требуя возвращения его крохотной находки.

Надвигался шторм. Шэм смотрел в иллюминатор на облака, которые спускались с верхнего неба, изливая потоки воды, накрывая сетью дождя горизонт, обращая весь мир в грязь, наливая меж колеями лужи, ускоряя ручьи, бежавшие с островов. Рельсы влажно блестели. Раненая мышка высунула головку из-под рубашки Шэма, точно тоже хотела взглянуть на небо. Шэм погладил ее.

– Суурап, – сказал ему доктор Фремло, когда они начинали работать над Ункусом. – Мы оба знаем, что медицина – не твое любимое занятие. Поэтому я прошу тебя только об одном: не мешай, не путайся под ногами, а когда я велю тебе что-нибудь сделать, делай именно то, что я прикажу. Пусть это дело тебе не нравится, пусть ты в нем не особо преуспел, – точнее, пусть ты в нем совсем не преуспел, а это истинная правда, раз я так говорю, – так вот, при всем том лучше уж ты, чем совсем никого. В общем, когда я скажу «бинтуй», ты знаешь, что делать. и так далее. Он может потерять ногу. Мы должны сделать все, что в наших силах.

Теперь, пошептавшись с Напхи, Фремло нашел его снова.

– Ты ведь знаешь, – начал он, – что не обязан подчиняться приказам?

– Я думал, приказы существуют для того, чтобы им подчиняться!

– и да, и нет, – продолжал Фремло, понизив голос. – В смысле формально ты, конечно, должен, но на деле зачастую все совсем не так. Ты ведь хотел оставить ту карту себе, или нет?

Шэм, покраснев, как флаг, недоумевал, что это – выволочка, совет или еще что-то.

– Вот хорошо, – сказал кто-то рядом с ними, глядя на грозу. – Потопит этих тварей. – Последовало замысловатое проклятье, обличавшее праведный гнев, но напрасно. Как все теллурические жители рельсоморья, кротовые крысы давно выработали свои стратегии спасения от потопа. Воздушные замки, водяные ловушки, сложные системы разноуровневых тоннелей.

Шэм увидел Бранка. и вздрогнул, но Бранк на него даже не поглядел. У него на уме уже давно были вещи поважнее, чем украденный и мгновенно возвращенный бойцовый петушок. Даже Яшкан был так расстроен, что взглянул на Шэма лишь с минутным недоброжелательством. Тот уже было подумал, что избежал расправы, как вдруг она обрушилась на него, откуда он не ждал.

– Каменноликие тебя разрази! – Вуринам вышел из операционной. – Чего тебе приспичило копать там, в том вагоне, а? – Шэм даже не сразу сообразил, что гнев боцмана направлен именно на него.

– погоди, – сказал он. – Я же не...

– Я ведь кричал тебе «выходи», так нет, тебе надо было поставить всех крыс на уши! Полюбуйся теперь, что ты наделал! – бушевал Вуринам. Судя по его бурной жестикуляции, речь шла об Ункусе.

Шэм не знал, что сказать в ответ.

– погоди, парень, – вмешался кто-то сзади. – Шэм ведь не хотел...

– Не хотел, значит? – вопил Вуринам. – «Не хотел» на хлеб не намажешь!

– Внимание, – раздался из громкоговорителя голос капитана. – Ункуса Стоуна, – продолжала она, – необходимо доставить в госпиталь. Доктор Фремло утверждает, что у нас на борту недостаточно ресурсов для его спасения. Итак. – Все услышали глубокий вздох. – Отклонение от курса. – Новая пауза. – Переводники, тормозные, машинисты, приготовиться к смене курса. На Боллон.

Последовала минутная пауза.

– На Боллон? – повторил Вуринам.

– По местам, – хрипло крякнул громкоговоритель, и все задвигались.

– Значит, с Ункусом плохо дело, – буркнул кто-то.

– Почему? – крикнул Шэм в удаляющуюся спину боцмана. – Как? Насколько плохо?

– Настолько, – крикнул, не оборачиваясь, Вуринам, – что мы идем туда, куда нам сказали. Настолько плохо, что мы идем к первой попавшейся суше, хотя это Боллон.

и он потопал прочь, оставив Шэма одного в холодном немом коридоре. Шэм дрожал. Он не знал, куда ему деваться. Вытащил из-за пазухи мышь и заглянул в ее испуганные звериные глазки. «Не бойся, – подумал он. – Тебе нужна моя помощь».

Часть II

Голая кротовая крыса

Heterocephalus smilodon glaber

Воспроизведено с любезного разрешения Филантропического Общества Стреггейских Кротовоев по материалам Общества

Глава 11

Кротобойный поезд в поисках добычи выбивает один ритм. Он настойчивый, но не быстрый; прерывистый, так как поезд то и дело переводит стрелки, меняет пути, выслеживая жертву, а команда смотрит во все глаза, не появится ли где заветный бугор.

Ритм один, но не единственный. Колеса по-разному дышат во время охоты, но любой ритм внушает охотнику уверенность, сообщает ему спокойную энергию, когда он контролирует каждое свое движение, сколь бы стремительным оно ни было. Ритмы поезда-убийцы по определению будоражат кровь. Когда старый кротобой, отслужив свое, выходит на пенсию и покупает себе коттедж на высоком утесе, где живет, по привычке вставая с рассветом, именно в такт охотничьим ритмам сами собой, без всякой его воли, продолжают двигаться его ноги. А еще говорят, что, когда умирает капитан, его пятки даже в гробу не перестают выбивать этот ритм.

Совсем не то поезд, идущий куда-то по тревоге. Его колеса выстукивают другое. «Мидас» спешил.

Глава 12

На большой скорости колеса выговаривают в основном радагадан. Один, два, три дня после ранения Ункуса поезд грохотал на север со всей быстротой, доступной составу на диких рельсах. Шэм приносил раненому еду. Держал таз с горячей водой, пока доктор менял повязки. и каждый раз замечал, как ухудшается состояние ран, расползается пятно некроза. Ноги Ункуса гнили.

Пустые, пыльные степи, в которых не было ничего, кроме рельсов, лежали на самом краю света, и карты часто ошибались в своих показаниях. Капитан Напхи и старшие офицеры вносили в них свои пометки. Вели поездной журнал. Капитан не отрывалась от книги слухов. Шэм дорого дал бы, чтобы заглянуть в нее хоть одним глазком.

«Мидас» держал путь на север, но причуды развязок и путей иногда заставляли его отклоняться на запад. Причем так далеко, что однажды, на склоне дня, на

горизонте перед ними встали дымной стеной склоны Камбеллии. Дикий, овеванный легендами и страшными тайнами континент поднимался из моря рельсов.

Уже одного этого было достаточно, чтобы вся команда высыпала на палубы и уставилась на горизонт; но оказалось еще, что некая выдающаяся черта пейзажа, издали похожая на полосу кустарника, была на самом деле трупом летуна, упавшего с верхних небес на землю. Тут уж точно все сбежались. Кричали, размахивали руками, делали флатографии.

Случалось, что ни на что не похожие создания верхних небес, где они проводили время в загадочных сражениях друг с другом, наносили один другому смертельные увечья, и тогда их трупы падали вниз, в рельсоморье. Бывало, что поездам приходилось проезжать мимо них или даже таранить эти груды непривычно гниющего мяса решетками своих локомотивов, пачкая носовые фигуры.

– Смотри-ка, его даже мухи не жрут, – сказал Вуринам.

Небесные создания обычно разлагались сами, а ускорить или замедлить этот процесс могло лишь содержимое их желудков. Земные черви ими брезговали.

Этот первый увиденный Шэмом поднебесный труп был ему не совсем понятен. Длинный, жилистый, с торчащими из полужидкой массы обломками клювов, когтей и измочаленными веревками сухожилий – хотя, может, то были внутренности, кто знает. Никаких глаз – по крайней мере, он их не заметил, – зато целых два рта: один с присоской, как у пиявки, а другой зубастый, вроде циркулярной пилы. Возможно, он считался прекрасным и изящным в том мире, для которого был рожден, где его предки обитали в балластном отсеке некоего иномирного судна, откуда эоны лет назад были слиты в верхний слой земного неба во время короткой стоянки.

Вуринам и Шэм стояли на мостике локомотивной надстройки, сразу за ревущими двигателями. Забыв об удаляющемся чудовищном трупе, они во все глаза разглядывали маячащую впереди неведомую страну Камбеллию. Затем посмотрели друг на друга. По очереди. Причем лишь на секунду, улучив момент, когда другой отвернется. Фигура на носу поезда – традиционный человек в очках – летел над рельсами, деревянно уставившись вперед, чтобы не быть

свидетелем неловкой сцены.

До Боллона оставалось уже немного. По шепоткам команды Шэм заключил, что это малолюдное место, расположенное слишком близко от ядовитых нагорий, и что тамошние редкие обитатели готовы продать хоть родину, хоть мать родную первому встречному, лишь бы цена была подходящей.

Шэм давно понял, что кротобои, если они уроженцы Стреггеев, будут говорить плохо о ком угодно, кроме своих. На них ничем было не угодить: один народ слишком мал, другой велик, эти распущенные, а те слишком чопорные, или скупые, или моты, или простаки, или безрассудные. Не было такой страны или такого правительства, которые заслужили бы их одобрение. Наукократы Роквейна были для них спесивыми интеллектуалами. Кабиго, драчливая федерация слабых монархий, была слишком драчлива и слишком монархична. Военные вожди, правившие в Камми Хамми, были слишком жестоки. Клароном управляли жрецы, чья набожность была непереносима, а вот далекому Морнингтону не повредила бы прививка религиозной веры. Манихики, самый большой и сильный город-государство рельсоморья, слишком злоупотреблял своей силой, рассылая свои военные поезда повсюду, считали ворчуны. А их хваленая демократия, о которой они громко каркают на весь свет, есть не что иное, как обман, на самом деле у них всем заправляют деньги.

и так далее и тому подобное. и ничего, что их собственный дом мало чем отличался от прочих. На Стреггее, как на многих других островах архипелага Салайго Месс, что в восточном рельсоморье, правил тот же совет старейшин, опираясь на выдающихся капитанов и философов, но уроженцы острова фыркали, задирая нос, что, мол, только у них правление осуществляется как следует.

Шэм потыкался носом в свою мышь. Та все еще делала попытки укусить его время от времени, но чем здоровее она становилась, тем реже и слабее они делались. Иногда, когда он поглаживал ее, как сейчас, зверушка начинала подрагивать, издавая звук, похожий на мурлыканье. Мышиное счастье.

- Ты там был? - спросил Шэм.

- В Камбеллии? - Вуринам поджал губы. - Да что там делать-то?

– Исследовать, – сказал Шэм. Он понятия не имел, кто правил в Камбеллии и чем ее правительство могло погрешить против законов Стреггея. Неизведанная земля манила его сама по себе.

– Вот поездишь с мое... – начал Вуринам. Шэм округлил глаза. Боцман был ненамного старше его самого. – Наверняка ты слышал. Дурной народ, дикари, – продолжал он. – Чего там только не творится!

– Иногда мне кажется, что в рельсоморье только и есть, что плохие страны, дурные народы и дикие звери, – отвечал Шэм. – Только о них все твердят.

– Ну, – подтвердил Вуринам. – А чего ж, коли так? Взять вот хотя бы Камбеллию – она же такая здоровая, земли мили и мили. А у меня, стоит мне на день пути от рельсов отъехать, чешется во всех местах. Мне всегда надо знать, что в любую минуту, как только на земле станет не все ладно, я прибегу в гавань, покажу свои бумаги, и тут же на любом поезде отвалю куда подальше, только меня и видели. Жизнь на колесах. – Он сделал глубокий вдох. Шэм снова вытаращил глаза.

– А если пойти через Камбеллию на северо-запад, ты знаешь, куда, в конце концов, придешь?

Отрывки географических знаний, сведения со школьных уроков географии замелькали в памяти Шэма.

– В Нузландию, – сказал он.

– В Нузландию. – Брови Вуринама поползли вверх. – Вот ведь черт, а?

Рельеф Камбеллии постепенно поднимался, уходя далеко за границу атмосферы, выше, чем обитали резные Каменноликие боги Стреггея, вглубь верхнего неба. Там и начиналась Нузландия, ровная, как стол. Во много раз превосходящая размерами Манихики или Стреггей. Да, Шэм слышал рассказы о том, что где-то в верхнем небе существовали целые плато мертвых. Города мертвецов. Высокогорный ад, от которого стыла кровь. Как в Нузландии, которая лежала где-то там. Шэм видел ее край.

Вуринам что-то буркнул себе под нос.

– Что? – переспросил Шэм.

– Я говорю, извини меня, – сказал он, по-прежнему глядя в море. – Извини за то, что я тебе тогда наговорил. Ты не виноват в том, что случилось со Стоуном. Может, это я виноват, я же толкнул его тогда, когда прыгнул в дрезину. – «Такая мысль, – сказал про себя Шэм, – мне тоже приходила в голову». – Или сам Ункус виноват, нечего было стоять у меня на дороге. Да и держаться надо было как следует. Или виноват тот капитан, который разбил свой поезд и подбросил его нам, чтобы мы его обследовали. В общем, тут кто угодно может быть виноват. Я не должен был орать на тебя.

Шэм моргнул.

– Да ладно, – сказал он.

– Ничего не ладно, – настаивал Вуринам. – Я всегда бешусь, когда расстраиваюсь. и мечусь, как загарпуненный крот. – Наконец он посмотрел прямо на Шэма. – Я надеюсь, что ты примешь мои извинения. – и он подчеркнуто любезно протянул Шэму руку.

Шэм вспыхнул. Не знал, куда девать мышь, которую держал в ладонях. Наконец, освободив свою правую, неловко протянул ее для пожатия.

– Ты настоящий джентльмен, Шэм ап Суурап, – сказал Вуринам. – Так как ее зовут?

– А?

– Твою летучую мышь.

– О. – Шэм посмотрел на нее. Расправил ей крылья. Мышь возмущенно зачирикала, но вырваться не стала. Шэм долго ломал голову над ее крылом, вспоминая уроки Фремло, с нехарактерным для себя рвением роюсь в справочниках по медицине. Наконец, нежно обследовав разноцветный костисто-кожистый лоскуток самыми кончиками пальцев, он нашел то место, где один

осколок кости терся о другой, вправил дефект и наложил самодельную шину из щепочек.

- Ее зовут... Дэй... би, - сказал он, наконец. - Дэйби. - Имя пришло к нему из ниоткуда, родилось из паники, вызванной неожиданным вопросом, и он едва не застонал, услышав его впервые. Но поздно. Вылетел воробышек, не поймаешь.

- Дэйби. - Вуринам моргнул. - Дневная летучая мышь Дэйби. - Он почесал затылок. - Ладно, не мне судить. Дэйби так Дэйби. Как она, поправляется?

- Да, ей лучше.

- А Ункус?

- Как сказать, - ответил Шэм. - Доктор Фремло говорит, все зависит от того, как скоро мы доберемся до Боллона.

- Значит, нам надо спешить.

У них кончался дизель. Двойная причина стремиться в порт - и ради того, чтобы пополнить запас горючего на припортовых заводах, и ради бедного Ункуса, который попеременно то горел в огне лихорадки, то дрожал, то снова пел, но совсем не приятно. Скорее, завывал в наркотическом забытии.

Глава 13

В один дождливый день команда увидела поезда на фоне затянутого мелкой моросью горизонта. Два, три, шесть, они были разбросаны среди отдельно торчащих скал, островков и каких-то холмиков всего в несколько ярдов в поперечнике, иногда с кривыми деревцами наверху, иногда усеянных птичьими гнездами. Еще они увидели в небе белые строчки паровозного пара. Надо всем этим возвышался потухший вулкан, его плоская вершина и изрытые каньонами склоны, на которых расположился такой же пересеченный город-порт Боллон.

Западная часть острова, обращенная к Камбеллии, была в основном пуста, на ней рядами стояли телескопы. Восточную занимали внушающие некоторое опасение бетонно-деревянные джунгли самого Боллона. Казалось, что город отвернулся от края света, не желая даже видеть его. Дома и складские помещения сбегали вниз, к гавани, где встречались с железом, камнем и деревом путей, по которым кое-как ползли паровозы и дизельные локомотивы. Шэм различал старые замки, где, как уверяли члены команды, заседали гильдии шпионов и других бедокуров, обмениваясь слухами и сплетнями.

– За несколько медяков здесь можно приобрести сомнительную помощь какого-нибудь пропойцы. – Это сказал Фремло.

– За пригоршню долларов, – возразил, не моргнув глазом, другой, чья информация в прошлом не раз оказывалась верной. – Больше того, здесь человек вступает в царство соблазнительных секретов.

– Но просто так доступа к ним не получишь. Их продают распространители слухов. – Разумеется, за качество информации никакой ответственности они не несут. Хотя и говорят обычно покупателям, что на их месте больше доверяли бы той истории, а не этой, так как у нее выше ценник. Да, вот еще что: тому, кто покупает одну историю, вторую отдают даром, но уж это наверняка будут бредни какого-нибудь завравшегося фантазера.

На «Мидасе» подняли флаги, оповещающие всех интересующихся о том, кто они и откуда, а также специальный символ – скрещенные кости с красным восклицательным знаком, – сообщение о том, что на борту раненый.

– Тихий ход. – Голос капитана Напхи в интеркоме звучал даже строже обычного. «Сердится, наверное, что пришлось оторваться от своей философии», – подумал Шэм. «Мидас» огибал скалы у входа в бухту, на них громко спорили дорожные чайки.

Веерные пути гавани занимали многочисленные составы в окружении тележек, на которые с поездов сгружали товары, чтобы отвезти их на берег; с каждого борта на них внимательно смотрели чужие моряки. Один паровоз со здоровой трубой выпустил при их приближении облако сажи, как будто фыркнул презрительно. «Мидас», переползая с пути на путь, продвигался вглубь гавани. Вот он подошел к еще одному составу так близко, что фигуры на их локомотивах

сблизились, точно собираясь поцеловаться – близорукие возлюбленные. Это был такой же дизельный кротобой, как «Мидас». В гавани в основном были кротобои.

Но были и другие поезда. Для чего они, Шэм понятия не имел. Они были короче охотников и казались какими-то кургузыми. Рабочие на них смазывали оборудование, которому он и названия не находил. Однако он был уверен, что это не сальважиры. На одном дизеле странной конструкции двое людей энергично крутили заводную ручку какого-то механизма: длинный, на коротких выступах ножек, он походил на гусеницу; механизм постреливал, из него торчала длинная спиральная труба; соединенный с ней человек в шлеме со стеклянным забралом и в коричневом костюме, полностью покрывающем тело, задумчиво выполнял физические упражнения.

– А это еще что? – вслух спросил Шэм. Люди у рукоятки были краснокожими, их лица скрывали напичканные электроникой и обвешанные всякой хренотенью пучеглазые очки Камми Хамми, этого таинственного народа множества островов, управляемого, как считалось, военными вождями.

– Вон то? – Шэм продолжал говорить сам с собой, но Йехат Борр, на одних руках карабкавшийся по ближайшей веревочной лестнице, услышал. Он замер, повернулся головой вниз и, все так же на руках стремительно сбежав к Шэму, завис вверх ногами лицом к лицу с ним.

– Это, – сказал Борр, – исследователи.

– Ну, конечно. – Слишком уж они отличались от кротобоев-дальнобойщиков, приползающих к суше только заправить свои поезда топливом да принять на борт что-нибудь, кроме кротовой солонины да червивых сухарей. Боллон был ближайшим к Камбеллии портом. Именно сюда стекались все храбрые пираты, пионеры и разбойники в поисках слухов и сплетен, неизменно окружающих таинственные континенты. Именно в Боллоне они разживались рассказами о жутких механических ангелах на краю мира, чудовищных кузенах хранителей и ремонтников путей. Легендами о том, как в один прекрасный день поезд, который пронесется мимо них, окажется за пределами времени и истории. В краю всех умерших или еще не родившихся денег. Среди исключительно богатых кладовых Рая.

Шэм принюхивался к ним то ли со сладострастием желанья, то ли с каким-то иным, не поддающимся определению чувством. В вагонах поезда-исследователя наверняка есть и еда, и оружие, и другие припасы. Может быть, даже средства передвижения по суше, фонари, товары для обмена с дикими племенами. и даже высокогорное снаряжение для самых амбициозных, вроде той женщины, что, сняв сейчас шлем, показывает большой палец рабочим у рукоятки.

Апдайвер. Она едет в Камбеллию не просто так: она будет подниматься. Пересечет границу между мирами, забираясь все выше в горы, покуда хватит дыхательного кабеля, а команда поддержки внизу будет крутить и крутить ручку, поддерживая в ней жизнь, ну, или хотя бы дыхание до тех пор, пока ее не убьет если не дурной воздух, то какая-нибудь обитающая в нем тварь, призрак отравленного нагорья.

Глава 14

Кто-то из бюрократов сжалился. «Мидас» получил стоянку в доке и теперь, маневрируя, пробирался к своему месту рядом с конторой начальника порта. Попутно миновали военный поезд аж из Манихики: как многие малочисленные островные народы, боллонцы поручали защиту своих рубежей – а в случае надобности, и нападение на другие страны, – великой державе рельсоморья; разумеется, за деньги. Скучающие офицеры в серой форме расхаживали туда и сюда по верхним палубам своего состава, чистили оружие, провожали взглядами «Мидас».

Шэм сошел на берег одним из первых – вместе с доктором Фремло он должен был передать Ункуса Стоуна в руки местных костоправов. Он шагнул с трапа на твердую землю: булыжная мостовая не бултыхалась у него под ногами, недвижимая, как скала. Всем известно, что после многих недель в рейсе первые шаги по суше даются с трудом: инертная почва подбрасывает человека не хуже, чем какой-нибудь трамплин. и это оказалось верным: первым делом Шэм упал. Его товарищи заржали. Он было скривился, потом передумал и тоже захохотал.

Местный экипаж повез Шэма, доктора, капитана и первого помощника – все четверо суетились вокруг бредившего Ункуса Стоуна – по узким улицам Боллона. Шэм держал раненого, доктор проверял повязки. Про себя он молился Великому

Огму, толстому богу-распорядителю, одному из немногих, кого почитали во всем рельсоморье, независимо от особенностей местного пантеона. Боллонцы придерживались экуменических воззрений: храмы разрешалось открывать любым богам, были бы их верующие с деньгами. Однако Великому Огму они молились истово, с особым пылом, какого не наблюдалось нигде на других островах. Шэм понятия не имел, верит ли он сам во что-нибудь, и если да, то во что именно, но никогда не видел вреда в том, чтобы шепнуть пару словечек любому богу, чье имя подворачивалось на язык.

Когда они добрались до госпиталя, доктор остался там, ругаться с местными врачами о том, как лучше лечить больного. Вот почему на обратном пути к «Мидасу» капитан заговорила, наконец, с Шэмом.

- Каково твое профессиональное мнение, Суурап? - спросила она.

- Э-э-э... - Профессиональное мнение! Он мог бы профессионально объяснить ей, что лучше всего вырезать ножом на брюхе деревянного манекена, если надо убить скуку, но разве она об этом спрашивает? Он пожал плечами. - Доктор Фремло, кажется, не теряет надежды, мадам.

Она отвернулась.

Шэму предстояло вернуться в госпиталь на следующий день, за распоряжениями. Пока же он был свободен.

Теперь, когда Ункус Стоун был пристроен, у всех точно камень с плеч упал, тревога рассеялась. Команда, как ни бранила Боллон и его обитателей всю дорогу, теперь вдруг загорелась желанием обследовать город.

Люди разбились на группы согласно своим приоритетам. Яшкан и Линд потащились в какое-то неприятное заведение, где предавались скандальным и не вполне легальным развлечениям: впускали туда только по паролю, который, как они не уставали намекать, был им известен. Богобоязненные разошлись по церквам и храмам. Другие облизывались, предвкушая хорошую сухопутную еду. Иными овладела похоть.

Конечно, Шэма особенно интересовали последние. Он наблюдал за ними, когда они, хихикая, обмениваясь грубыми жестами, полупристойными шутками и сальными намеками, вполголоса обсуждали заведения, куда они намеревались отправиться. Да, он был заинтригован, но скромность пока еще побеждала в нем любопытство, и он, подумав, примкнул к компании Вуринама, Борра, Бенайтли, Кирагабо Лак и других веселых и крикливых членов команды, чьи намерения вполне прозрачно передавала громогласная интерпретация известной песни, которую рельсоходы поют, сходя на берег: «А мы идем напиться, напиться, напиться, до чертиков зеленых напиться (в ближний паб)».

Позже, однако, выяснилось, что песня вводила в заблуждение: они посетили не один паб, а много, кочуя из одного питейного заведения в другое, точно некое беспокойное племя, постепенно наливаясь спиртным и превращаясь из подвыпивших гуляк в мутноглазое, смердящее перегаром стадо с заплетающимися языками.

Первый паб назывался «Высокая Птица». То есть название было на боллонском, но вывеска изображала именно такое животное. Внутри было мрачно, темно, толкались, глаза друг на друга, приезжие и местные. Кирагабо поставила перед Шэмом крохотный стаканчик. Вкус его содержимого напоминал чернику, вываленную в пыли.

– А что тогда взяла у тебя капитан? – спросила Кирагабо. – Когда покусали Стоуна?

– Кое-что из руин.

– О-о, да ты у нас блюдешь тайну. Что это было, Суурап-куурап?

– Да так, ничего особенного, – буркнул он и стал пить, а его товарищи принялись толкать его локтями и подшучивать над ним, требуя подробностей, так что большая часть пойла выплеснулась ему на одежду; потом Вуринам стал рассказывать жутко пошлый анекдот, и о Шэме все забыли. После этого они подались в «Ворчливую Молли», где было повеселее: яркие крашеные стены, блестящий джукбокс извергал синкопы джаззл-хауса, от которого Вуринам тут же заскакал, как обезьяна, и начал флиртовать со всем, что двигалось. Он громко кричал, сравнивая свою одежду с одеждой партнерши, такой хорошенькой молодой женщины, что Шэм краснел при одном взгляде на нее,

хотя она его даже не замечала.

Зато, как понял Шэм, его заметил Бенайтли, и тут же начал над ним хохотать. Потом Вуринам вернулся за стол, и в горло Шэма потекло кое-что потемнее, погуще и послаще того, что они пили в предыдущем заведении. Он достал из-за пазухи Дэйби и пробовал угостить ее капелькой; товарищи завопили на него за то, что он принес с собой мыш, но скоро и думать позабыли о том, что поначалу их так возмутило.

– Это была... как ее там, – сказал Шэм. – Маленькая такая штучка для фотика. – Событыльники не сразу поняли, что он отвечает на вопрос предыдущего паба.

– Память! – сказала Лак. Бенайтли поднял бровь и хотел спросить еще что-то, но его отвлек громила из местных с предложением помериться силами на руках. Сразу после этого они оказались на вершине скалы с видом на гавань, как-то одолев головоломную тропу к «Клокерелю», снобистскому заведению с вывеской в виде гибрида будильника и петуха. Его официанты попытались было не пустить их внутрь, но, поняв, что ни к чему хорошему это не приведет, решили дать им войти.

– Гляньте-ка! – взревел Шэм. – Этта ж поезд! – и верно, внизу, прямо под ними, был «Мидас». На нем горели опознавательные огни. Но тут оказалось, что пришла очередь Шэма ставить выпивку, о чем ему услужливо напомнили товарищи; также услужливо они взяли его кошелек, вытряхнули из него все деньги и купили на них несколько кувшинов Каменноликие знают какой дряни, и закуску – жаренного в перце пылевого краба и каких-то тварей вроде саранчи, на чьи многочленные усики и ножки Шэм взирал без особого энтузиазма, но которых, тем не менее, покорно жевал потом.

– Как ты вообще попал на кротобая? – с беззлобным любопытством спрашивал Вуринам. Другие подтянулись поближе, интересуясь ответом. – Что, папка с мамкой велели? – У пьяного Шэма язык уже еле ворочался во рту, так что он сам толком не понял, что ответил.

– Мня, мня, мамка, мня, мня, папка? – передразнил его Вуринам. – Спасибо, что просветил.

– Это не я, – объяснял Шэм, – это все кузены. Нет у меня... – Последние слова вдруг показались ему чрезмерно жалобными, так что он поспешно прикрыл рот и «мамки с папкой» сказал шепотом, чтобы не портить вечер.

Но никто его уже не слушал. Коллеги по «Мидасу» громко ржали над тем, как его изображал Вуринам. А тот треснул его кулаком в плечо – из дружеских чувств, разумеется, – и сказал:

– Ты парень что надо, Суурап, только расслабься чуток, – на что Шэм мысленно возразил: «В каком это смысле?», но его вопрос остался без ответа, поскольку разговор перешел на другое.

Шэм поймал взгляд Бенайтли. Гигант молчал, но симпатия, написанная на его физиономии, говорила яснее всяких слов. Шэм сделал еще глоток.

Что было потом? Еще одно место под названием «Древний Сыр», и еще одно, «Формидабль», и еще «Драп и Доктор» или «Дрянь и Дракон», или что-то вроде. Когда именно мужчины и женщины с «Мидаса» вступили в разговор с выпивохами с других поездов, Шэм не помнил, хотя сам принял в нем живое участие.

– Чего мужики вытаращились? – спросил он женщину с татуированной шеей и косой, уложенной кольцами, как канат. Она взглянула на него поверх стакана. – Откуда ты быть, пожалуйста?

– Боллонские мужчины любят, чтобы женщины сидели дома, – сказала она на рельсокреольском, лингва франка всех, кто трудится в рельсоморье. Однако ее акцента Шэм не распознал. – Такие, как я, им не по вкусу. Из Коулд Бейсин я. – Коулд Бейсин! Даль-то какая, еще восточнее, чем Стреггей! – Приехала покупать слухи. и продавать тоже.

– Я слышал про рынки слухов. Где они?

– Слухи о том, где находятся рынки слухов, покупают у слухоброкеров на улицах, если, конечно, повезет и тебя не обманут.

– Что, платить деньги за слухи о слухах?

– А как иначе?

– А то тебе не дадут делать то, зачем ты сюда приехала? – спросил Шэм.

Она покачала головой.

– Не такие они тут глупые, чтобы диктовать приезжим, что им делать да как. Я уже занималась апдайвингом на восточном нагорье. – и она завела соблазнительный разговор о Совмерике, мифическом токсиконтиненте в верхнем небе. – Так что это была за руина?

– О! – Шэм уже забыл, о чем он ей рассказывал. Кажется, врал что-то про эту, как ее там? и он сдал назад, точно поезд на прямом участке, к началу истории про катастрофу. Он болтал, а она поглаживала его мышью. Потом был еще один паб, где женщина была по-прежнему рядом, а потом – упс! – Шэм вдруг оказался на улице, где блевал в глубокую канаву рядом с пабом. «Еще кусочек Стреггея остался позади, – думал он при этом. – Здравствуй, Боллон!» Что ж, больше войдет шнапса – так, кажется, они его тут называют?

и он снова болтал про катастрофу, про то, как шарил за окошком в земле, про жуткое нападение крыс.

– Поэтому мы здесь. Одному из наших чуть ногу не отгрызли. – «Поглядите на меня, – думал он при этом. – Я рассказчик». Ураган лиц вертелся вокруг него, вдруг они встали, расступились, и он увидел Вуринама, танцующего с Кирагабо в каком-то новом месте, но кто-то налил ему еще выпить, и кто-то спросил:

– Так что ты нашел там, в руинах? – на что Шэм ответил:

– А-а-а-а, – и постучал себя пальцем по носу, в смысле, не ваше это дело, секрет, и все тут. Это и был секрет. Ведь он сам толком не знал, что нашел тогда в руинах, потому и воздерживался говорить об этом. Хейхо, пей до дна! Тут же он оказался на улице, под звездами, где пристраивал свою голову на чем-то плоском. «Вовсе они не плохие, – подумал он. – Нормальные люди, боллонцы», – подумал он опять. Дали ему, на чем поспать.

Это оказался камень, вот что. Камень, а не подушка.

Шэм выяснял это постепенно. Очень постепенно.

Сначала он ощутил, как его царапает что-то маленькое и острое. Героически Шэм выбрался из липких глубин сна к поверхности сознания, не спеша собрался с силами, наконец, поднес к лицу руку и пальцами раскрыл себе один глаз.

Готово. Так, похоже, он спал на улице, прямо во дворе какого-то паба, наверное, последнего в их одиссее. Поскуливая от беспощадного утреннего света, он проморгался и разглядел кое-кого из своих товарищей, – те вповалку храпели в амбаре, под полными презрения взглядами коз. Летучая мышь Дэйби лизала ему лицо. Слизывала крошки, налипшие возле рта. «Когда это я что-то ел?» – задумался Шэм. Не вспомнил. Рывком поднялся, но тут же застонал и снова осел на землю, схватившись за голову, а та вертелась, точно карусель на полном ходу.

О, Каменноликие, сжальтесь, как же пить хочется. А это что за здоровая мерзкая лужа рядом с ним, неужели его блевотина? Может, его, а может, еще чья, кто же ее разберет. Он поднял руку к глазам и поглядел на солнце сквозь пальцы. Верхнее небо было сегодня сравнительно чистое – так, самая малость ядовитой пыли клубилась в вышине, маскируя жутких небесных летунов, которых сегодня тоже было всего ничего; впечатление было такое, будто его взгляд уходит прямо в космос. Солнце сердито смотрело на него с небес, точно учитель на проштрафившегося ученика. «Ой, да ну тебя», – подумал Шэм, встал и заковылял в гавань.

Мимо домов-террас, где жильцы поливали цветы на окнах и готовили завтрак, или, скорее, обед, а может, еще что; короче, что бы то ни было, но пахло оно восхитительно, запахов вкуснее Шэм в жизни не нюхивал. Мимо собак и кошек Боллона, – жизнерадостных непуганых животных, которые смело шли по своим делам без хозяев, с симпатией поглядывая на Шэма. Мимо массивных прямоугольников церквей, где пели гимны божественных распрей. Вниз, к гавани, откуда поверх крыш домов и бакалейных лавок, поверх статуи местного сардонического бога уже неслись к нему звуки и запахи дороги и лязг колес.

А он оказался совсем небольшой, этот Боллон, всего одна центральная улица. Шэм поднял глаза вверх, на телескопы и разные сенсорные устройства, которыми оцетинились крыши, – все они были развернуты к Камбеллии. Все же это было совсем новое для него, невиданное прежде место. и, в принципе, это его волновало. «Это начинает раздражать», – думал он всегда, когда не мог понять, что чувствует.

Он повстречал товарищей по «Мидасу»: Эбба Шэппи помахала ему из кафе, где она сидела за чашкой цикорного кофе; Теодозо выглядел хуже, чем Шэм чувствовал себя в тот момент, и Шэма не заметил; Драмин, серый кок, нюхал какие-то местные травы; он Шэма видел, но поздороваться не пожелал.

При мысли о завтраке Шэм чуть не заплакал. Купил у разносчика пересоленный пирожок и сел с ним на ступеньки водокачки, чтобы, съев его, тут же запить водой с привкусом металла. Крошками поделился с Дэйби.

Голова у него болела, вообще все болело, к тому же он был уверен, – да нет, просто знал наверняка, – что от него воняет. Но тот, кто угощал вчера приятелей на его деньги, позаботился положить сдачу ему в кошелек. Он выспался, хотя и в пыли. Прохожие либо не обращали на него внимания, либо ухмылялись, но не глядели так зло, как солнце. А до возвращения на поезд у него оставалось еще часа два-три. Так что, может, похмелье все же удастся пережить. Правда, особой уверенности в этом у него не было, и под ложечкой знакомо посасывало, как всегда при недовольстве собой, но в остальном Шэм чувствовал себя не так чтобы уж совсем-совсем паршиво.

Глава 16

На краю рельсового моря, в углу гавани, стояла едальня «Техникаль» – комбинация столовой, пункта обмена сплетнями и информацией (за ее многочисленными столами шептались о чем-то своем капитаны кротобоев и исследовательских поездов), а также места оказания услуг технического характера. Шэм остановился. В тени, под навесом, он увидел капитана Напхи, она беседовала с хозяином.

Судя по движениям ее рук, она описывала ему что-то очень крупное. Потом она протянула ему листок, хозяин кивнул и тут же поместил его в информационное окно, рядом с другими такими же бумажками. Шэм прищурился и разобрал слова, написанные крупным шрифтом.

ИНФОРМАЦИЯ КАСАТЕЛЬНО.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ.

ФИЛОСОФИЯ.

Он хотел идти дальше. и уже собрался тихо прошмыгнуть мимо, боясь, как бы Напхи его не заметила и не отравила своей надменной меланхолией его утро. Не удалось. Она увидела его и жестом велела ему приблизиться. Надо ли говорить, что лицо Шэма осталось неподвижным, хотя сердце упало.

– и еще кое-что, – обратилась капитан к хозяину кафе. – Ординаторы у вас есть? – Она достала из кармана пригоршню листков. – Держи, это тебе, – сказала она Шэму, протягивая ему листки. БОЛЬШОЙ КРОТУРОД, – прочел Шэм на верхнем, беря их из рук капитана. НЕОБЫЧНОЙ ОКРАСКИ.

Она сжала свою искусственную руку, и в ней открылся небольшой лючок. Внутри лежала память для фотоаппарата. «Это же моя! – подумал Шэм, пока она извлекала ее наружу. – Право нашего!» Хозяин кафе уже кивком приглашал их внутрь.

– Идем. Я проверю это, – сказала капитан. – Потом скажу тебе, куда идти.

В боковой комнатке обнаружилась целая коллекция ординаторов: оборудование было, что называется, с бору по сосенке: спутанные трубки, кое-как приспособленные к экранам мувографов, черно-белые моргающие проекторы, буквенные клавиатуры; дизельный генератор, жужжа, поддерживал жизнь в этом машинном реликварии.

Шэму раз-другой доводилось иметь дело с ординаторами, но они не очень его интересовали. К тому же на Стреггее их вообще было немного, а те, что были, как он слышал, недотягивали до современных технических стандартов. Капитан

отмела в сторону провода, опутавшие экран, точно сказочные заросли ежевики волшебный замок. Пока экран светлел, нагреваясь, она положила на стол левую руку и с пулеметным клик-клик-клик стала выдвигать из нее различные приспособления: какую-то машинку, увеличительное стекло, мини-телескоп и толстую иглу для штопки. Для нее это было, как для других барабанить по столу пальцами. Шэм молча стоял рядом и вежливо ждал, мысленно казня капитана самыми страшными казнями, какие есть на свете. Наконец она вставила пластиковый кусочек в щель ординатора.

«Мало того, что ты украла у меня мою находку, – думал Шэм. – Теперь ты меня еще и подразнить ею решила». В то же время он сомневался, что память, так долго лежавшая в сырой земле, где ее грызли животные, что-то сохранила. Да, может, там и не было ничего вовсе. Вдруг на него с экрана поглядел какой-то человек.

Крупный, бородатый, лет за сорок. Он смотрел прямо в объектив, слегка откинув голову, его руки тянулись к экрану, теряясь за его краем. Типичная поза человека, который снимает самого себя, держа камеру на отлете. Он не улыбался, этот мужчина, но в его лице чувствовалось веселье.

Память, конечно, пострадала от времени, изображение на экране выглядело каким-то пыльным. Позади фотографа стояла женщина. Она была не в фокусе, так что выражения ее лица было не разглядеть: сложив руки на груди, она могла взирать на фотографа терпеливо, снисходительно, даже с любовью.

«Значит, это вы – череп, – подумал Шэм. – Кто-то из вас тот череп, который я нашел». – и он едва заметно переступил с ноги на ногу.

Напхи нажала какую-то кнопку; возникло другое изображение. Двое детей. Не в поезде: позади них был город. Какая-то арка, странная, косая, словно наспех сложенная из белых блоков разных размеров. Девочка маленькая, мальчик еще меньше. Оба темно-серые, как все манихийцы. Улыбаются. Смотрят прямо на Шэма. Он нахмурился. Капитан глянула на него так, словно он что-то сказал.

Такой строгий мальчик! и такая задумчивая девочка! Ручки вытянуты по швам, волосики аккуратно причесаны... Тут картинка опять дернулась и изменилась. Ребятишек не стало, Шэм увидел комнату, заваленную разным хламом, потом, почти в ту же секунду, громадную гавань, подобной которой он не видел нигде и

никогда, набитую поездами самых разных типов и предназначений. Он даже охнул, но и эта картинка исчезла, сменившись видом с верхней палубы поезда, на полном ходу несущегося по рельсоморью. и снова женщина, теперь перед приборной доской локомотива.

Клик-клик, тарахтела капитан. Шэма сводила с ума эта ее манера сидеть абсолютно молча. А на экране сменяли друг друга картины островов и рельсоморья. Пути ветвились меж старыми деревьями, прошивали насквозь целые рощи. Прямо лес, иначе не скажешь. Причем не на горбу какого-нибудь островка, а прямо на море. Снимок был сделан, видимо, осенью, потому что на рельсах впереди локомотива лежала нетронутая сухая листва.

Пустыня, плоский песок, редкие линии рельсов. Скалы, как клыки под хмурым небом. Где, где, где были эти люди?

Игривые кроты в прыжке прямо перед носом локомотива преследуют червей длиной с человеческую ногу. Нора огромного бычьего барсука. Озерцо в оправе из рельсов. Ежиные следы у корней деревьев. и вдруг, на самом краю снимка, что-то огромное, непроницаемое несется по рельсам. Шэм затаил дыхание. Это был поезд, смутно знакомый, хотя Шэм никогда раньше не видел подобных.

Вдруг он понял, что именно напомнил ему этот силуэт. Фантастический образ ангела, чисто умозрительный, как все подобные образы, встреченный им, должно быть, в какой-то из книг религиозных наставлений. Священный механизм, колесящий по рельсам для их спасения.

Шэм разинул рот. Разве это не плохая примета – видеть ангела? Говорят, они поддерживают состояние путей в глубоком рельсоморье, и людям, если те не хотят попасть в беду, надлежит менять курс и уезжать подальше, случись им наткнуться на подобную картину. Может, и ему стоит отвести теперь взгляд? Хотя разве это мыслимо?

«Подождите, подождите!» – думал Шэм, но капитан неслась вперед. С экрана на него уже глядела новая картинка: вздыбленная громадная тальпа. Капитан на мгновение застыла. Однако мех крота был черен. и она стала листать дальше.

Куда же шел тот поезд?

Глядя на незнакомые ландшафты, Шэм морщил лоб, пытаясь угадать, где это. Странные, очень характерные очертания гор, похожих на оплывающие свечи. Каменные карнизы прямо над рельсами.

и вдруг. Рельсоморье. Нет, не оно.

Земля раскинулась широко, точно мертвое, размеченное колышками животное в классе разделочной анатомии. Плоская, пыльная, в крапинках коричневых камней и фрагментах материи, – наверное, утиля, видимо, негодного. Небо низкое, по нему сворой охотничьих псов несутся грозовые тучи. Над ними мертвенное свечение верхних небес. Нос поезда как толстый наконечник стрелы, летящей к странно близкому горизонту. Отрезок пути, по которому он мчится, неестественно прям, рельсы уходят туда, где земля и небо сливаются воедино. А по обе стороны...

...по обе стороны от путей, по которым шел поезд...

...не было ничего.

Не было других рельсов.

Голая земля.

Шэм подался вперед. Он весь дрожал. Краем глаза он заметил, как одновременно с ним подалась вперед капитан.

Пустая земля и всего одна прямая линия. «Одна линия в море рельсов». Немыслимо. «Из лабиринта рельсов нет и не может быть выхода». Один путь просто не может существовать. и все тут.

– Каменноликие, защитите нас от всяческого зла, – прошептал Шэм, стискивая в кулаке мышь и глядя на флатографию, пугавшую своей святотатственной пустотой, – ибо разве пространство между островами может быть чем-то иным, как не сплошным морем рельсов?

Пустота. Шэм дрожащими руками вынул свою маленькую камеру. Долго целился, не глядя в видоискатель, наконец, нажал затвор и сделал снимок этого

удивительного снимка, самого поразительного из всего, что ему когда-либо доводилось видеть в жизни.

«Какое потрясающее ничто!» У него закружилась голова. Он пошатнулся и с грохотом рухнул на соседний ординатор. Когда капитан обернулась, он уже убрал свою камеру в карман. Она ткнула пальцем в клавиатуру, и флотография исчезла.

– Держи себя в руках, – сказала Напхи тихо. – Ну же, соберись немедленно.

Но невозможные одинокие рельсы в окружении столь же немислимого безрельсового пространства так и стояли у него перед глазами.

Глава 17

и снова в путь. Снова глотать мили и мили рельсов-и-шпал, отделяющих Боллон от архипелага Салайго Месс, а потом и самого Стреггея. Пусть медленно, пусть не прямо, «Мидас» все же шел домой. Правда, без Ункуса Стоуна.

– В смысле, почему он не может поехать с нами? – недоумевал Шэм.

– Да ладно тебе, парень, – сказал Ункус и вскрикнул, когда кто-то из сидевших на его кровати пошевелился, потревожив его все еще чрезмерно чувствительные ноги. Шэм, Вуринам, доктор Фремло, Йехат Борр и еще кое-кто из команды навестили его в санатории. Материальная часть этого лечебного заведения, где, кроме Ункуса, пребывали и другие люди – на одного при разгрузке поезда упала какая-то тяжелая железяка, другого укусил кролик-кровохлеб, еще пара страдала поездными паразитами – не отличалась новизной. Однако в палате было чисто, и от ланча, который принесли Ункусу, пахло довольно вкусно.

– Поверить не могу, что я не сплю, – сказал Ункус.

– и я тоже, – подхватил Фремло.

Все неловко рассмеялись.

У них совсем нет времени, объяснили Шэму коллеги. Некогда сентиментальничать. Их ждут кроты. Счет за санаторий оплачен вперед – причем подписала его капитан, сама, заплатила из своей доли. Так что надо пошевеливаться.

– Да и вообще, не нравится мне здесь, – сказал Вуринам. Он обвел других взглядом и зашептал: – Здешние все выпрашивают, куда мы шли, где были. Любят эти боллонцы совать нос не в свои дела. Один даже спросил, правда ли, что мы сальважиры! – и он поднял брови. – Твердят, что слышали, будто мы нашли сошедший с рельсов поезд. А в нем карту сокровищ!

«Хммм», – подумал Шэм, чувствуя себя слегка неловко.

– Все равно, нельзя тебя тут оставлять, – перевел разговор он.

– Да брось ты, парень. – Ункус потянулся к Шэму и неловко потрепал его по плечу. – Как только мне полегчает, я доплетусь до гавани и куплю себе обратный проезд на любом составе.

– Все равно это неправильно.

Вовсе не ради Ункуса Шэму хотелось остаться, хотя он ни за что не признался бы себе в этом. Ему казалось, что, чем дольше они задержатся в Боллоне, тем больше будет у него шансов убедить капитана посетить Манихики. Откуда, как он полагал, были родом мужчина, женщина и дети с флатографий. Он ощущал нехарактерную для себя уверенность в том, что ему хочется именно этого – установить связь между их изображениями и тем местом.

Мысли о том, как убедить капитана Напхи отклониться от намеченного курса, приходили ему в голову постоянно, одна безумнее и причудливее другой. Но ни одну из них он не одобрил. К тому же в глубине души он никак не мог поверить в то, что они туда не идут.

Один снимок неотступно стоял у него перед глазами, и каждое воспоминание о нем вызывало в нем чувство, близкое к эйфории. Тайна той линии, того прямого

отрезка, который, как ему казалось, вел прочь из рельсоморья, – хотя даже думать об этом было грешно! – преследовала его постоянно. Тогда, вернувшись из комнаты с ординаторами и позабыв про работу, которую собиралась поручить ему капитан, – она, кстати, тоже о ней забыла, – он сразу засел за рисунки и рисовал, рисовал по памяти все, что видел на тех флотографиях, так точно, как только мог. Пока перед ним не оказался целый ворох бессвязных чернильных воспоминаний об изображениях невиданных пейзажей. Любой, кому они попались бы на глаза, ничего бы в них не понял, но для него это были мнемотехники, способы вызвать в памяти раз увиденные образы рельсового моря, уничтоженные капитаном.

Да, да, она уничтожила их, истребила прямо у него на глазах, сжав пластиковый квадратик жесткими пальцами своей нечеловеческой руки, чем вызвала у Шэма нечаянный вопль протеста. Когда беспощадная гидравлическая длань разжалась, на ней лежала лишь горстка пыли.

– Что бы за глупости это ни были, – сказала она, – они не касаются ни помощников докторов, ни кротобоев.

Напхи приложила механический палец к губам.

– Молчи, – сказала она. Указание распространилось и на его недавний невольный протест, и на возможные разговоры с коллегами в будущем.

– Капитан, – спросил он шепотом. – А что это было...

– Я – кротобой, – перебила его Напхи. – Ты – помощник доктора. То, что ты видел, или тебе показалось, будто ты видел, имеет не больше отношения к твоей жизни и ее возможным целям, чем к моей. Значит, нечего и говорить об этом.

– Это были Манихики, – сказал он. – Они оттуда родом. Нам следовало бы...

– Позволь мне дать тебе один совет, – сказала капитан, глядя на свои руки, – никогда больше не говори мне или любому другому капитану, под чьим началом тебе еще случится выходить в рельсоморье, что бы «нам следовало» делать. – Кавычки в ее фразе были ощутимы, как воздух. – Я на тебя рассчитываю, ап Суурап.

и Шэм замолк. Капитан вывела его из кафе на улицу, где у боллонцев свободно разгуливали козы, приученные подъедать мусор и оставлять свои орешки в компостных кучах в переулках. Медленно, с сильно бьющимся сердцем (стук которого, по мнению самого Шэма, приближался к фудустунна, ритму поезда, торопливо и решительно идущего к своей цели), он продолжал думать о том, что видел. О тех снимках.

Оставшись, наконец, один, уже в поезде, Шэм проверил свою камеру. Капитан не видела, как он снимал. Вот оно. Изображение. Смазанное дрожанием его рук. Размытое. и все же безошибочно узнаваемое. Одинокий путь.

Он прикусил губу.

Там остались дети. Где-то в рельсоморье. Мужчина и женщина, возможно, их отец и мать, уехали. Куда? Исследовать удивительные безрельсовые пейзажи. Их не интересовали животные. Не интересовала даже местность, где скиталось похожее на ангела существо. Они лишь постарались обойти его краем, чтобы остаться в живых. и дальше, в неизведанное рельсоморье. Туда (где тот путь)... туда (где одинокий путь)... туда, к одинокому пути. Туда, где одинокая ниточка выбегает за пределы клубка рельсоморья. Уводит прочь.

А потом они вернулись. Станным маршрутом, через оконечность Арктики. Шли, ясное дело, домой. Где их ждали те дети.

«Вот это путешествие», – подумал Шэм и тут же решил, что эти дети, сестра и брат, должны узнать о том, что случилось. Те двое возвращались к ним, так что они имеют право знать. «Если бы кто-нибудь нашел останки крушения поезда, на котором был мой отец, – еще подумал Шэм, – я бы тоже хотел знать».

и они узнают. Чем бы ни были те одинокие рельсы, знание о них бесценно. и уж наверняка капитан, как он думал тогда, спит и видит, как бы поскорее тронуться в путь. Уже прокладывает по картам маршрут, который приведет их прямехонько в Манихики. Где она и старшие офицеры займутся своим обычным делом: выяснят, кому можно продать эту информацию и как восстановить ее по уцелевшим флотографиям. А если им не хватит времени или еще чего-нибудь, то тогда он, Шэм, сам найдет тех детей и передаст им скорбную весть о кончине их родителей и поезда, на котором они ехали.

Вот к чему, по его мнению, должна была стремиться капитан.

– Значит, ваш поезд скоро отправляется, – сказал начальник порта Вуринаму в присутствии Шэма. – Славно, славно. Я слышал слухи.

«Какие слухи?» – хотелось спросить Шэму. Но он так и не узнал, о чем тогда шептались боллонцы, для которых любая сплетня была приманкой, ловушкой и орудием одновременно. Однако сведения об их предполагаемом маршруте действительно гуляли по городу, и Шэм, к своему горю, узнал, что Напхи в самом деле собиралась поступить именно так, как сказала. Что она не просто хотела отделаться от надоедливого подчиненного, составляя, тем временем, план. Нет, Напхи не думала вести их в Манихики.

Он хотел поговорить с ней, но, памятуя ее реакцию на его первую попытку, передумал. «Что ж, – решил он тогда, стараясь, чтобы его внутренний голос прозвучал со всей возможной драчливостью, – если она и впрямь не собирается делать то, что обязана, придется ее заставить».

Однако даже самым лучшим планам случается иногда всплыть брюхом вверх, а у Шэма и плана-то никакого не было. Дважды он делал попытку – каждый раз сердце выбивало тревожный ритм на рельсах его груди, – приблизиться к капитану и задать ей вопрос о том, как следует понимать ее отказ от выяснения происхождения образов на флатографиях, ее решительное не-говорение о них. «Мидас» вышел из гавани, лег на курс – совершенно ложный, в его представлении, – а он все еще не мог придумать, что ей сказать. и каждый раз, стоило ей задержать на нем пристальный взгляд своих холодных глаз чуть дольше обычного, его охватывала паника, и он, отвернувшись, удалялся. Так они пришли вместо Манихики домой, на остров Стреггей.

Глава 18

Плохо было то, что один из команды «Мидаса» остался лежать с обглоданными ногами в пропахшем эфиром сарае на чужом и нелюбимом берегу. Хорошо то, что они завалили огромного крота. Их трюмы были полны солонины, бочонков

топленого кротового жира, тщательно выскобленных шкур и меха.

Между мысом Четем и сомнительными мелкими островками твердой земли гряды Льюивела они поймали двух звездоносых кротов. Там, где между внутренними линиями рельсоморья земля была вся перепахана мелкими грызунами, поезд останавливался, и все члены команды с баграми и палками в руках вываливали на палубы, откуда тыкали своими орудиями в землю, выгоняя на поверхность ее обитателей. Привязав к палкам проволоку вместо лесок и снабдив их крючками и грузилами, мужчины и женщины с «Мидаса» приманивали на наживку шустрых штопорных землероек, которые выкапывались в верхние слои земли и хватали куски мяса. Рано или поздно одна из них хватала вместе с наживкой крючок, рывком натягивала леску и начинала биться, пытаться уйти прочь. Тогда удильщики подсекали, сматывали леску так, что землеройка оказывалась на одном уровне с удочкой, где и болталась, отчаянно вертясь и размахивая лапами.

Ловили они и самых мелких мультиварп, длиной в человеческую руку, которые росли прямо на глазах, ловя и пожирая червей и жуков величиной с голову, чем вызывали у команды вопли отвращения; жуков, правда, ели не все, только в зависимости от места происхождения. Ловили землероек, мускусных крыс, хищных кроликов. Роящих пчел. Это был богатый живностью участок рельсоморья. Похоже, что шумные и суетливые ангелы-уборщики наведывались сюда нечасто: между неубранных рельсов росла съедобная трава, которую члены команды собирали на салат.

- Мистер Вуринам. - Шэм откашливался, готовясь к серьезному разговору. - Доктор Фремло. - Он все думал о тех изображениях, которые видел, и решил, что, была не была, скажет им об этом, ведь они же его друзья, или нет?

Но секреты высыхали у него на языке, а рот становился как давно не кормленный топливный бак. Та дорога, та узкая одинокая колея просто не поддавалась описанию, это было выше его сил. Лучше он покажет им снимок. Но ведь если снятая трясущимися руками флатография и скажет что-то тем, кто никогда не видел оригинала, слухи об этом быстро дойдут до ушей капитана. А это уже будет рассматриваться как подстрекательство к бунту.

Дело было не только в том, что он боялся капитана, - хотя, конечно, боялся, что тут греха таить. Но еще он не мог отделаться от чувства, что капитана лучше против себя не настраивать.

Дважды они встречали другие стреггейские поезда, которые проходили так близко, что команды могли пообщаться и обменяться письмами и новостями при помощи катапультируемых лебедок. Капитан Скарамаш с идущей в открытое рельсоморье «Мергатройд» даже зашел к капитану Напхи в гости. Он степенно сидел в подвесном кресле, мерно покачиваясь над ярдами путей, а рабочие, ритмично ухая, тянули лебедку.

Покуда Шоссандер с Драмином носили в купе капитана лучший чай и сухое печенье на фарфоре и серебре, Шэм вскарабкался по задней стенке служебного вагона – сам дивясь своей смелости, – завис у окна вне зоны видимости, и оттуда подслушал и частично подсмотрел весь разговор.

– Итак, капитан Напхи, – услышал он голос капитана Скарамаша. – Своей помощью вы окажете мне услугу. Я ищу некоего зверя. Здоровенного, по-настоящему огромного. – Его голос окрасился знакомыми интонациями. – Хорька. Длинной он, по крайней мере, с вагон, из головы торчит крюк. Мой подарок. Он похож на согнутый палец и качается при каждом движении, точно манит. Меня манит. – Тут он перешел на шепот. – Приманивает меня. Старый Крюкоголов.

Значит, у Скарамаша тоже есть философия, за которой он гонится. «Понятно, продолжай», – подумал Шэм. Капитан Напхи прокашлялась.

– Нет, подобное животное не пересекало наш путь, – сказала она. – Но будьте уверены, теперь, когда мне стало известно название вашего транспортного средства, при первых же признаках сего манящего металлического объекта в голове упомянутого плавно бегущего пушного эрахтоноса, я тщательно замечу координаты нашей с ним встречи. и сообщу вам. Клянусь честью капитана.

– Благодарю вас, – пробормотал капитан Скарамаш.

– Не сомневаюсь, он забрал у вас нечто, так же как мой забрал нечто у меня, – сказала Напхи. Скарамаш кивнул, выражение мрачной задумчивости застыло на его лице. Шэм вдруг понял, как-то внезапно сформулировав про себя эту мысль, что именно такое выражение он чаще всего видел на лице любого капитана. Это была их профессиональная мина.

Скарамаш, закатав штанину, постучал костяшками пальцев по дереву и железу под ней. Капитан Напхи одобрительно кивнула и подняла свою руку – ее замысловатые костяные накладки, гагатовые украшения и металлические части отражали свет.

– До сих пор помню ощущение зубов, сомкнувшихся на моей руке, – сказала она.

– Я очень признателен вам за помощь, – сказал Скарамаш. – И, со своей стороны, буду следить, не появится ли где кротурод цвета заварного крема.

У Шэма глаза полезли на лоб.

– Цвета старого зуба, капитан, – резко отпарировала Напхи. – Огромный крот оттенка старого пергамента. Слоновой кости. Лимфы. Желтоватых белков задумчивых глаз безумного старого профессора, капитан Скарамаш.

Посетитель забормотал извинения.

– Я пойду куда угодно и сделаю что угодно, лишь бы повстречать мою философию, – медленно сказала Напхи. – Моя философия, – продолжала она, – не желтая.

«Далась ей эта дурацкая философия! Из-за нее она плюет на те снимки», – подумал Шэм. А ведь на них доказательства – чего именно, он не знал, но, несомненно, глобального крушения всего рельсоморья, по меньшей мере. А она не хочет оторваться от своих кротобойских философствований и на минуту!

Однако похоже, что Скарамаш с ней заодно. Сколько же их, таких философов, на рельсах? Не у всех стреггейских капитанов была своя философия, но все же многие из них вступили в отношения противоречивой любви-ненависти с одним определенным животным, в котором они провидели или ощущали – прощущали – воплощенные смыслы, возможности, мировоззрения. В какой-то момент – неопределимый словами, зато вполне ощутимый на практике – в голове таких капитанов что-то щелкало, и обычный профессиональный подход к хитрой добыче вдруг превращался в нечто совершенно иное – преданность одному определенному животному, в котором заключалась теперь целая вселенная.

Дэйби училась охотиться. Дневная мышь снова могла летать, правда, на небольшие расстояния. Шэм подвешивал кусочек мяса на веревочку, привязывал ее к поручням последнего вагона, и мышка, хлопая крыльями, летела за вертящейся и кувыркающейся добычей. Это называлось обучение охоте со смыслом.

Шэм задумался о трепете, который вызывали в окружающих те, кто помешался на чем-то одном, превратил свою жизнь в Музей Финального Аккорда. Наверное, между капитанами тоже существовало своего рода соперничество. «И это он называет философией? – фыркали они, возможно, за спиной друг у друга. – Вот эту смирную луговую собачку, за которой он гоняется? О, дни мои ясные! и что бы это могло значить?» Капитаны состязались в умении превзойти других, добиться преимущества над коллегами в толковании смыслов той или иной добычи.

По пути домой они пересекли ущелье, глубокий провал шириной в двадцать – тридцать футов, над которым была переброшена целая сеть мостов. Шэм знал, что им не миновать этого места, и все равно испугался. Рельсы карабкались вверх по земляной насыпи, покрытой клетками дерева-и-металла, перескакивали через лужи и ручьи, в которых плескалась рыба.

– Впереди земля! – объявил впередсмотрящий. и тут же: – Курс на дом! – Смеркалось. В небе кружили птицы. Садилась на ветки растущих меж рельсами деревьев, те прогибались под их тяжестью. Команда шумела и гоготала. Местные дневные мыши возвращались домой; на охоту вылетали ночные, черные. Встречаясь, они приветствовали друг друга громким чириканьем, точно одни сдавали, а другие принимали небесную вахту. Дэйби, сидя на плече Шэма, чирикала им в ответ. Потом вспорхнула и унеслась. Шэм не волновался: раньше мышь всегда возвращалась на «Мидас», иногда дожевывая пойманного по дороге зазевавшегося сверчка.

Последний красный луч осветил каменные склоны. Пятнами черной плесени пушились на холмах джунгли, между ними скоплениями светлой плесени выделялись кварталы жилых домов и общественных зданий, складываясь в город Стреггей. Из гавани навстречу «Мидасу» уже пыхтели мощные тягачи, чтобы принять его груз и отбуксировать в док самого кротобая.

Дома.

Глава 19

Возвращение кротобая в порт всегда сопровождается восторженными криками мужей, жен, детей, любимых, друзей и кредиторов. Вот и у Шэма радостно дрогнуло сердце при виде Воама и Трууза, которые, стоя на набережной рельсоморья, вместе со всеми вопили и махали руками. Они обнимали Шэма, подбрасывали его в воздух, громогласно осыпая его всякими ласкательными словечками, а потом поволокли, смущенного и растроганного, домой, а дневная летучая мышь Дэйби кружила у Шэма над головой, недоумевая, зачем эти странные двуногие штуковины, называемые людьми, накинулись на ее человека и почему он так очевидно счастлив.

Приобретение Шэма несколько не удивило его кузенов.

– Не мышь, так татуировка, – сказал Воам, – или серьга какая-нибудь, с чем-нибудь ты все равно вернулся бы, так что и это неплохо.

– Немало парней и девушек возвращаются с компанией из первого рейса на кротобое, – поддакнул Трууз. и энергично покивал. Воам подмигнул Шэму. Трууз кивал всегда. Такая уж у него была привычка. Кивал, даже когда молчал, словно ему было необходимо, чтобы он и мир всегда находились в согласии по любому поводу, в том числе и по поводу отсутствия повода.

Дом, где прошло детство Шэма: на середине улицы, поднимающейся круто в гору, с видом на рельсоморье, эпическую тьму которого время от времени пронзали огни идущих в ночи поездов. Дом был точно таким, каким он его оставил.

Он не помнил, как попал туда впервые, хотя смутно припоминал моменты, явно предшествовавшие этому событию: слышал голоса и ощущал надежную близость отца и матери. Шэм даже не знал, где именно он жил с ними на Стрегее. Как-то раз, довольно много лет назад, они с Труузом оказались в одной малознакомой части города, и кузен предложил показать Шэму его

бывший дом. Шэм тогда нарочно наступил обеими ногами в самую середину грязной лужи, до колен испачкал брюки и потребовал, чтобы его вели домой переодеваться – лишь бы только не ходить туда, куда они шли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/chayna-mevil/rel-sy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)